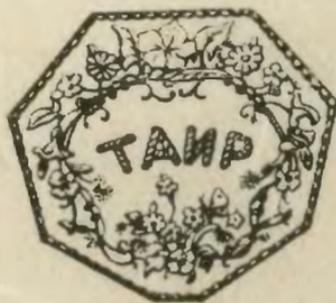


Алексе́й Ремизовъ

ТРИ СЕРПА



II

ПАРИЖЪ

ТРИ СЕРЦА

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

МОСКОВСКІЯ ЛЮБИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ

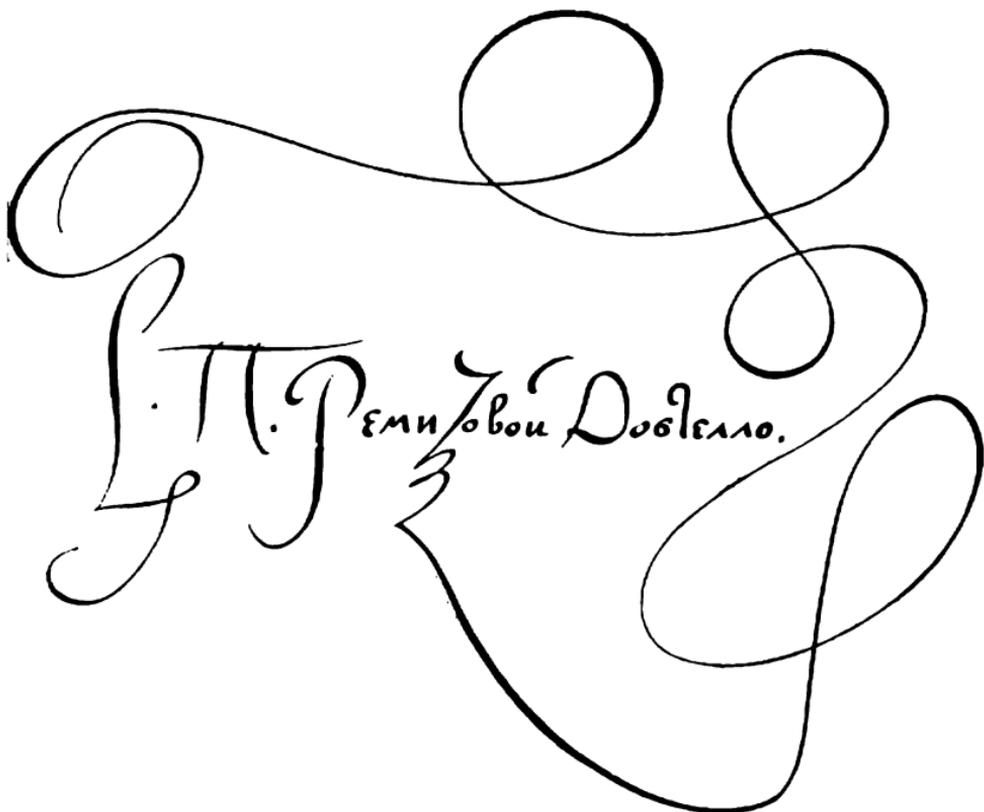
Т Р И С Е Р И А



ИЗД. ТАИРЪ

ПАРИЖЪ

МСМХХІХ



L. П. Р.

Емилъовичъ Довгало.

3

УРСЬ

Въ вѣкъ, когда жилъ на землѣ Николай-чудотворецъ, въ его молодые годы — еще не скажутъ про него ни «чудотворецъ», ни «архіепископъ мирликійскій», а у всѣхъ на виду «младшій» священникъ Патарской церкви, а главное единственный сынъ патарскихъ богачей — помрутъ, все наслѣдство ему! — (священники и епископы могли быть только изъ богатыхъ семей), Патары гремѣли на весь міръ: міровая торговля, банки и самая разнообразная «надстройка» искусствъ, магіи и развлеченій (Александрія подъ бокомъ!) — городъ «централизованныхъ воль» и безчисленныхъ рабовъ этихъ воль, богатства и нищеты, мечты и отчаянія, а никакого болота и эти пески — ? — пескомъ дорожки посыпали, да дѣти, какъ во всѣ времена, играли въ пескѣ.

По смерти родителей этотъ младшій священникъ (имя Николая скоро станетъ самымъ громкимъ въ Патарахъ!) широко раздавалъ наслѣдство. И чѣмъ больше, тѣмъ большую чувствовалъ онъ радость — давать людямъ средства жить, выручать изъ бѣды, поддерживать жизнь —

а радость — послушайте меня! — когда отъ нея радость и у другихъ, какъ и тайная и личная скорбь, глубятъ душу. А голубинная душа открываетъ «внутреннее зрѣніе»: что обыкновенно проходитъ незамѣтно за суетою и шумомъ рядовой жизни — сколько на землѣ народа! сколько живетъ жизни! и у всякаго свое! и раз-

въ можно все замѣтить? — но такой такъ не пройдетъ — —

Былъ въ Патарахъ одинъ человекъ, не простой — Урсъ. И было у этого Урса три дочери. Очень ихъ любилъ отецъ и никогда съ ними не разставался и все, что дѣлалъ, дѣлалъ для нихъ — самому ему ничего ужъ не надо, ему, хоть въ книжный ящикъ залѣзай, вотъ тебѣ и дома, нѣтъ, хотѣлось ихъ жизнь украсить — дать радость жизни. Вѣдь жить на землѣ — это великое счастье!

Большой городъ — жизнь жадная, цѣпкая: подавай безъ никакихъ или пропалъ! Выйдите вы днемъ, станьте гдѣ-нибудь у Опера или у Мадленъ посмотрите кругомъ — идетъ народъ — какая стѣна! — это человѣческая воля, сосредоточенная въ нѣсколькихъ живѣйшихъ центрахъ по боковымъ улицамъ, гонить и подгоняетъ весь этотъ человѣческій заворотъ: бѣжать, исполнить. Да, жизнь этого дневного часа — жесточайшая: не слушаешь или опоздаешь — пропалъ!

Сестры, чтобы жить въ такомъ городѣ, морды кукамъ раскрашивали: раскрашенныхъ отдавали заказчику, а этотъ заказчикъ несъ въ большіе магазины для продажи. Если бы половину того, за что покупали въ магазинахъ эти раскрашенныя морды, перепало сестрамъ, жили бы онѣ, не тужа, но какая тамъ половина! — заработка еле хватало на день, а одѣться и на квартиру думать нечего.

Урсъ служилъ въ газетахъ по информации. Весь день въ бѣгахъ. Надо, чтобы было интересно и схватить на-лету: чего еще не случилось, но что можетъ произойти. А если не было ничего особеннаго, надо было выдумывать. И что странно: на этомъ вся дѣловая жизнь стоитъ, безъ этого заскучали бы, и дѣло бъ не дѣлалось

а между тѣмъ цѣна этой выдумки — этой «ложной» информации — цѣна кукольныхъ раскрашенныхъ мордъ.

И изъ всѣхъ, плоше всѣхъ ему было, этрму Урсу.

Можетъ, другой и нашелся бы, какъ обернуться въ жизни, да и онъ какъ-ни-какъ всю жизнь карабкался, а вотъ сорвался —

А отчаяніе, это вотъ что: не посидить человѣкъ на мѣстѣ, одно возьметъ, за другое схватится, и все бросаетъ, закинетъ всѣ дѣла — ничего не интересно!

**

Позднимъ вечеромъ лежитъ Урсъ на соммье, дѣти въ сосѣдней комнатѣ морды кукламъ раскрашиваютъ. (Приходилъ сегодня Трясиборода, заказъ принесъ — морда у него не бритая, а просто волосъ не растеть, потная — вотъ ужъ кто никогда не отчаивается! — дуракъ не пойметъ, на что намекалъ!). И раздумался Урсъ и такъ раздумалъ, что куда ни ткнишь, все стѣна: пропадутъ! И никуда не пойдешь, не объяснишь словами, что вотъ пропадемъ! Вѣдь это и есть жизнь — стукотня — и иначе невозможно; въ этомъ и есть жизнь: однимъ надо пропасть, чтобы другіе поднялись. Мечтать, чтобы иначе было въ жизни, сдѣлай милость! — когда защемить, выдирайся изъ тисковъ — «вставай и проклятьемъ заклейменный...» — сдѣлай милость! Но жизнь не передѣлывается: «пропасть или подняться» — во всемъ и всегда — «борьба», а «не развлясь». И когда есть силы, здоровье — и дѣло идетъ съ успѣхомъ, это даже хорошо, весело: и пусть хлещеть, видишь цѣль, знаешь, а когда достигнешь, и самъ хлестонешь, весело! А когда силы не тѣ — и удачи нѣтъ, — вотъ руки и опустились и одно остается: пропасть. Ну, если онъ и пропадетъ — такъ и надо, пришелъ чередъ!

— но имъ-то? да такое и въ голову не придетъ: пропадать? Онъ одинъ это чувствуетъ и знаетъ (развѣ можно забыть?), когда былъ молодъ, ничего не боялся, и какъ хочется жить, какъ все занимаетъ и на люди хочется и принарядиться хочется, вѣдь это такое счастье жить на землѣ! — и вотъ: «пожалуйте бриться!»

«кто старъ или больной, бѣднота, отчаяніе, всѣ пусть соберутся, я освобожу васъ!» И отозвались — все горе-горькое, и старость и болѣзнь и отчаяніе, безъ числа нищихъ и отъ бѣдовой жизни. Онъ же велѣлъ построить огромный баракъ, разставить столы и всякое угощеніе. И собравъ всѣхъ въ этотъ баракъ, поилъ и кормилъ вволю. Въ разгаръ онъ вошелъ на пирь. «Чего еще вамъ хочется?» — «Тебѣ знать, самъ разсуди!» — «А хотите, я сдѣлаю васъ безъ печали, и никто не будетъ знать никакой нужды?» — «Согласны». Тогда оставилъ онъ несчастныхъ и самъ велѣлъ: съ четырехъ концовъ поджечь баракъ. И загорѣлось. И всѣ сгорѣли, кто былъ въ баракѣ — все горе-горькое, и старость, и болѣзнь, и отчаяніе, и нищихъ безъ числа».

«это будетъ послѣдній и самый рѣшительный бой!»
— Урсъ схватился за веревку — — Вотъ тебѣ и твердыня Иль-де-Франсъ, для котораго океанъ съ московскую Язу — однѣ щепы! И лѣзетъ Урсъ на мачту, единственное спасеніе, а сверху Трясиборода (этотъ всегда успѣетъ!) съ мѣшкомъ — раскрашенная изъ мѣшка морды — «неужто не поможетъ?» — «поможетъ!» да какъ саданетъ сапогомъ — Урсъ сорвался, а вѣтеръ шваркъ, захлебнуло волной — клякъ! И горчайшее, тинистое, мутно — хоть бы! все

равно! не мучиться такъ! — зажмурилъ глаза. И вдругъ воздухомъ въ лицо, глотнулъ глотокъ и ему совсѣмъ легко, смотритъ: палуба, на палубѣ священникъ — молодой въ сутанѣ — море благословляетъ. И волны подобрались, рябятъ и тихо кругомъ. И все сужается, близится — священникъ совсѣмъ близко, совсѣмъ надъ нимъ, благословляетъ — —

Урсъ открылъ глаза.

И странно: или все еще сонъ? этотъ самый священникъ — видѣлъ спину, какъ священникъ выходитъ изъ комнаты. Въ сосѣдней комнатѣ темно, дѣти заснули. Урсъ погасилъ электричество, раздѣлся и легъ по-человѣчески.

А когда на утро онъ проснулся, пошарилъ на столѣ папиросы — нѣтъ ни одной! — свертываетъ изъ очуточного табаку, языкомъ муслить, — что такое? — глазамъ не вѣрить: на столѣ — чекъ:

— — —

Дѣтей не было дома. Урсъ сварилъ себѣ кофе и безъ пальто — тепло, весна! — вышелъ.

Въ Сень-Сюльписъ звонили къ обѣднѣ.

И такъ онъ почувствовалъ всѣми корешками — а вѣдь и онъ хочетъ жить на бѣломъ свѣтѣ — и какъ хорошо въ Божьемъ мірѣ — и этотъ звонъ, и тепло, и люди!

**
*

Когда получишь деньги, рассказывать особенно нечего: сейчасъ же заплатили за квартиру, купили шляпокъ, кофточекъ; у одной не было ботинокъ, у другой чулки продраны — все нужно, а Урсъ себѣ бумаги купилъ сразу, чтобы не бѣгать за нѣсколькими листками. И конвертовъ всякихъ размѣровъ. И долги поразсвали

— все вѣдь бѣднота, сами изъ послѣдняго, отдавать надо.

Но кто же это могъ положить чекъ? Кто могъ войти ночью, а главное узнать, что вотъ такъ нужно тебѣ сейчасъ — — священникъ? — И вспомнился сонъ. — Гдѣ онъ видѣлъ это лицо: наклонился, благословляетъ?

И какъ осѣнило: да это «младшій» священникъ — Урсъ первый назвалъ это имя громко — Н и к о л а й.

И съ тѣхъ поръ имя Николай стало самымъ громкимъ въ Патарахъ. Только о немъ и говорили. А тутъ и еще: «пропалъ!» — служилъ обѣдню, вышелъ изъ церкви и пропалъ. И куда скрылся? Неизвѣстно.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

Слава среди людей — это тягчайшее бремя и великое искушение. Послѣ случая съ Урсомъ, когда вездѣ, и въ газетахъ и въ разговорахъ, только и трубили о «тайной милостынѣ», и при этомъ полностью называлось имя: «младшій священникъ Николай», оставаться въ Патарахъ стало невозможно.

Изъ Тристомы съ первымъ египетскимъ пароходомъ Николай поѣхалъ въ Аскалонъ. А молва, отъ которой, думалъ онъ, что скрылся, настигла его въ дорогѣ.

Поднялась буря, отъ порывовъ вѣтра оторвался крестецъ мачты и висѣлъ на древкѣ; какой-то матросъ, совсѣмъ мальчикъ, взобрался на мачту и, не удержавшись, упалъ. А такое было, такая страсть на морѣ, ни до кого, только бѣ самому-то ухорониться —

«Молодой священникъ, — рассказывали, — вышелъ къ несчастному и, помолившись надъ нимъ, взялъ его за руку, и Аммоній, такъ звали матроса, всталъ здоровъ и невредимъ».

И когда высадились въ Александрію, только объ этомъ и говорили — и со всѣхъ сторонъ повалилъ народъ, прося помощи и ожидая чуда.

Въ Діолко, куда ѣздили осматривать храмъ св. Феодора, принесли одного тяжело больного, и еще былъ тамъ слѣпой. Чтобы ихъ успокоить, онъ помазалъ ихъ масломъ — и недужный, который корчился и ничего не могъ ѣсть, легко вздохнулъ и поднялся, а слѣпой, не видѣвшій три года, прозрѣлъ.

— Чудотворецъ!

До самага Іерусалима его провожалъ шопоть и мольба: его выдѣляли, о немъ говорили громко, пальцами показывали:

— Чудотворецъ!

Но что такое онъ сдѣлалъ? И развѣ это какая заслуга: «помочь человѣку?» Вѣдь онъ только пожалѣлъ этого юношу Аммонія, и тамъ, въ Діолко, онъ только помолился о погибающихъ — да и какъ же иначе? Или въ мірѣ такъ очерствѣло сердце? А на него смотрять, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ какой-то особенный — «чудотворецъ!» и ужъ не просятъ молитвы, а требуютъ чуда.

И вотъ безъ бури — ясно, попутный вѣтеръ — а какъ въ самую злую погоду сталъ для него путь изъ Александрии въ Іерусалимъ.

**

На Святой землѣ въ толпѣ паломниковъ легко затеряться: каждый камушекъ освященъ, каждый кусокъ земли согрѣтъ и насыщенъ — тайна и память! каждое слово не изъ-пуста — смотри, слушай и касайся!

Въ тѣ времена пустыни Оиваиды, Сиріи и Палестины населяются отшельниками; уйти въ пустыню — жить внѣ житейскихъ дѣлъ и суеты — всегда глазами къ Богу; молитвой очистить помыслы и сердце, чтобы ухо открылось къ голосу Бога, и ужъ поступать не по своей волѣ, а исполняя волю Божью — дѣлать дѣло Божье. Какая завидная доля! Жизнь пустынниковъ свѣтилась горящими столпами поверхъ мглы грѣшной жизни со страстями, раздраженіемъ и злобой, спутницей всякихъ достижений въ мірѣ вещей и благъ жизни.

За восемь дней Николай обошелъ всѣ святыя мѣста и монастыри, спрашивалъ о подвижникахъ — о

дорогахъ, по которымъ ходили къ нимъ: одни несли свой грѣхъ, другіе желаніе научиться праведной жизни — жить съ людьми наперекоръ волѣ и закону, жизни: не въ борьбѣ, а въ кроткой любви. Съ каждымъ словомъ бывалыхъ людей о подвигахъ труда и молитвы рѣшеніе его становилось тверже: уйти изъ міра и жить въ пустынь.

Въ пасмурный лѣтній день, когда тихо и особенно отчетливо собираются мысли, шелъ онъ по пустынной улицѣ къ Голгофѣ. Проходя мимо полуразрушенной стѣны, онъ взглянулъ на башню и почувствовалъ необыкновенное счастье, — это было ощущеніе всей жизни, всего живого, и это ощущеніе сказалось словомъ: «счастье».

Какое это счастье жить на землѣ, и какъ ему все близко до ползучихъ слѣпыхъ подземныхъ корней! И пустыня — пустыня, куда завтра онъ скроется, бѣлая гудѣла передъ нимъ, опорошенная весеннимъ цвѣтомъ. Окутанный свѣтящимся облакомъ чистѣйшаго счастья, вдругъ онъ увидѣлъ: сквозь тающій свѣтъ жизнью идетъ навстрѣчу съ лицомъ того юноши Аммонія, надъ которымъ онъ молился на кораблѣ —

И онъ стоялъ зачарованный.

А тотъ, плывя въ воздухѣ, быстро приближался: бездонные глаза его, какъ тысяча глазъ въ глазахъ, и надъ бровями синія тороки — проводники небесныхъ сферъ — искря, волнятся. И вотъ совсѣмъ близко — коснувшись руки, блеснулъ мечомъ:

«Поспѣши, иди въ Ликию: твой путь не пустыня — путь тебѣ въ міръ. Обратись къ людямъ, ты побѣдишь народы и прославится въ тебѣ имя Христа!»

И архангелъ погасъ, какъ свѣча.

А Николай стоялъ — въ рукахъ зеленая пальмовая вѣтка — и свѣтъ чистѣйшаго счастья и чувство наполненности жизнью подымали его надъ землей:

«Не пустыня , мѣръ! въ мѣръ!

ВЪ МІРЪ

Безвѣстность —

ходить среди чужихъ чужимъ, и ты можешь смотреть, не жди: на тебя не взглянуть. Въ «общемъ порядкѣ» ты войдешь, куда всѣхъ пускаютъ, и въ толчеѣ тебѣ не уступятъ мѣсто — «никакихъ исключеній!» Ты со всѣми и какъ всѣ — все это безымянное — толпа. Никто при встрѣчѣ съ тобой не будетъ пыжиться умникомъ и стараться говорить поумному, чтобы ты не открылъ, что передъ тобою дуракъ, да и самъ ты ничего изъ себя не будешь корчить. Съ тобой заговорятъ, какъ со всѣми, а скорѣе не заговорятъ: «съ чего?» На тебя не будутъ глядѣть ни съ похвалой, ни съ завистью, ни со злобой, и не заискивая. Ни въ комъ ты не пробудишь злого чувства, развѣ что подъ сердитую руку, а если вызовешь доброе — это ничего: можетъ, пожалѣютъ, какъ бездомнаго, какъ странника. Но какая свобода: ходи, какъ всѣ, смотри, и— слушать! И никакого соблазна для другихъ.

Безмолвіе —

что можетъ быть выше слова, и какъ легки и пусты слова! При встрѣчахъ слово закрываетъ душу — наборъ лживыхъ «вѣжливыхъ» словъ плотнѣе всякой пробки. И отравы — обольщающее «постараюсь», и ядъ — безотвѣтственное «обѣщаю». А мигающій свѣтъ поверхностнаго слова — сорная тра-

ва — осадокъ. И какъ же быть слову, какъ пробиться черезъ всѣ загородки и сквозь эту муть? Слово есть выраженіе мысли, но самая мысль во власти словъ — косъ и серповъ, этихъ трамбующихъ колесъ и плющащихъ прессовъ. Сказать «въ голодѣ» — такъ и только такъ въ постѣ безмолвія рождается слово.

Бѣдность —

вотъ что раскрываетъ душу — вотъ кто ведетъ по всѣмъ ступенямъ креста! Бѣдность — это даръ, какъ и богатство, — крестный даръ со жгучимъ отчаяніемъ, покинутостью, униженіемъ и взлетомъ мечты. Нѣтъ, мечта о «счастіѣ всего человѣчества» не отъ пустого брюха, не отъ оборванныхъ штановъ, не отъ зависти, не отъ жадности, а отъ пригвожденнаго «распятаго» сердца. Когда вся утроба выворачивается и кулакъ надъ тобой (жизнь — это стукотня!), ты все увидишь: всѣ закоулки, все поддонное человѣческихъ измыслей.

Молитва —

отъ молитвы мытаря до молитвъ молитвенника, отъ нечаянныхъ вскриковъ радости и горестныхъ причитаній до лѣстовочныхъ, положенныхъ по Потребнику, словъ, отъ пятерни - «щепоти» и на-спѣхъ «счета пуговицъ» до уставныхъ поклоновъ и метаній, отъ ангельскаго аллилуія, человѣческой пѣсни и звѣринаго рыка до благоуханнаго безмолвія травъ и цвѣтовъ — этихъ звѣздъ на землѣ! — одна и тѣ же единственные нити съ тѣмъ, что надъ и во всемъ: и слабыя человѣческія руки, какъ стебли, поднимаются звѣздами въ небеса и человѣческій немощный духъ становится громовой волей и могучимъ сердцемъ —

«Отче нашъ!»

ПОСВЯЩЕНІЕ

Николай не вернулся въ Патары, а поселился въ Мирахъ. Третій годъ кончался его безвѣстной жизни. И за эти годы, никѣмъ не узанный, онъ прошелъ всю страду жизни простаго человѣка.

Тѣ чувства, какія раньше постигаль онъ своимъ избраннымъ сердцемъ, теперь почувствовалъ кровно: живя среди людей въ самой толчеѣ борьбы, бѣды и радостей жизни, встрѣчаясь съ людьми на самой черной работѣ и въ самую черную безработицу.

Какія высокія побужденія теплятся въ человѣкѣ и такая «низость», какую только и можетъ измыслить человѣкъ на человѣка; и если простымъ словомъ сердца человѣкъ подыметъ и умирающаго, человѣкъ же своей злой мыслью свалитъ и самое неколебимое; и есть еще и совсѣмъ не отъ злого, а сколько можетъ сдѣлать зла человѣкъ человѣку по легкомыслію или слѣпотѣ!

Чѣмъ живъ и живетъ человѣкъ на землѣ — не про тѣхъ, кто хватаетъ съ неба звѣзды, «цари духа», и не про тѣхъ, кто на днѣ духа и даже еще неродившіеся духовно, передъ которыми «звѣри» чище, потому что безхитростнѣй и проще, а вотъ эти, которые составляютъ «міръ». Дать міру этотъ хлѣбъ «иносущный» — открыть человѣку о человѣкѣ — «человѣкъ есть храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ немъ!» — тогда и тѣмъ «не отъ міра сего», кто надъ — «избранные» — облегчится трудная и странная ихъ жизнь, а у тѣхъ, кто подъ

— «убогіе» — очеловѣчится шкурная порода и просвѣтится ихъ хлѣбъ «насущенный».

Во всѣ безвѣстные дни одно чувство не покидало его: жалость къ человѣку. Это чувство было такъ остро: лучше бы, казалось ему, или распылиться или окаменѣть! И была одна неустанная молитва: имѣя даръ мудрости, скрѣпить свое сердце и дать миръ неумиренной человѣческой жизни.

**
*

Въ то время умеръ архіепископъ мирликійскій Іоаннъ. Въ Миры съѣхались епископы на выборы: надо было рѣшить, кто тотъ крѣпкій и мужественный, кому поручить стать во главѣ митрополіи: надвигалась тяжелая пора — послѣднія гоненія. Но сколько ни разсуждали епископы, согласія между ними не было.

Старику священнику изъ клира епископовъ снится сонъ: слышитъ онъ голосъ: «иди, дѣдушка, въ церковь: первый, кто придетъ къ заутренѣ, того движетъ мой духъ!» — и явственно называетъ: «имя ему Николай». Въ страхѣ проснулся старикъ: свѣтаетъ — а еще не звонять — помолился и тихонько пошелъ къ Собору.

Въ то утро Николай поднялся, пробужденный необыкновеннымъ сномъ. Ему приснилось: опять, какъ тогда на Святой землѣ въ рѣшительный часъ судьбы, онъ увидѣлъ сквозь тающій свѣтъ жизни навстрѣчу идетъ съ лицомъ того юноши Аммонія: бездонные глаза его, какъ тысяча глазъ въ глазахъ, и надъ бровями синія тороки — проводники небесныхъ сферъ — искря, волнятся; и вотъ совсѣмъ близко, коснувшись руки, блеснулъ мечомъ — и свѣтъ разсѣлся; и въ новомъ свѣтѣ онъ увидѣлъ: престолъ и на престолѣ архіерейскія оде-

жды, архангелъ, показывая на престолъ, велить ему сѣсть — —

Разсвѣтало. И этотъ разсвѣтъ былъ особенный — особенный день. Какъ всегда, Николай пошелъ въ церковь.

Три года исполнилось его безвѣстной жизни, и онъ не помнитъ никакихъ лишеній за эти годы: вся горечь, скрытая на сердцѣ, забыта и только одно чувство — благодарность.

И когда онъ вошелъ въ Соборъ, эта одна молитва въ умѣ и на сердцѣ:

«Благодарю Тебя, Господи, что сдѣлалъ меня свободнымъ!»

Голосъ остановилъ его:

— Кто ты и какъ твое имя?

Николай обернулся: старикъ священникъ — и въ лицѣ его не гнѣвъ, а жестокое безповоротно.

И всѣ чувства всколыхнулись: тайна раскрыта! Остается одно: убѣжать. И онъ сдѣлалъ шагъ, но старикъ, преграждая дорогу, повторилъ:

— Твое имя? — и въ голосѣ его прозвучалъ испугъ.

— Николай, — и почувствовалъ, что не можетъ сопротивляться: старикъ крѣпко держалъ его за плечо.

— Пойдемъ за мной! — кротко сказалъ старикъ.

И Николай покорно пошелъ, готовый ко всему.

Вечеромъ въ Мирахъ стало извѣстно, что избранъ новый архіепископъ, имя ему Николай — Николай, младшій патарскій священникъ, три года скрывавшійся въ Мирахъ.

— И не человѣческимъ соборомъ, — говорилось, — Божій судъ избралъ его.



Ночью, оставшись одинъ, Николай долго не могъ успокоить мысли и скрѣпить чувства. Молитва его была порывиста: онъ, какъ оглушенный, крикомъ сердца взывалъ къ Богу — просилъ о помощи: какъ и гдѣ найти ему мудрость — живя среди людей судить и рѣшать? быть всегда близкимъ къ человѣческой бѣдѣ — и облегчить и направить?

и увидѣлъ онъ, будто стоитъ онъ въ длинномъ сараѣ, низкій потолокъ, и въ томъ же сараѣ еще двое въ темной одеждѣ, и онъ узнасть ихъ мысли: они явились, чтобы убить его. Побѣжалъ на другой конецъ и они побѣжали за нимъ. Дверь — онъ толкнулъ ее и вышелъ: а это церковь — онъ въ церкви. И когда подумалъ, что вотъ онъ свободенъ, дверь приотворилась — и онъ понялъ, что это за нимъ, и побѣжалъ черезъ всю церковь. И очутился въ томъ же самомъ сараѣ: и не двое, а ихъ много по угламъ — затаились. И опять онъ бросился на другой конецъ, но и тамъ по угламъ такіе же и много: затаились, чтобы напасть на него и убить. Онъ опять къ той же двери, выскочилъ и, крѣпко захлопнувъ за собой, обезсиленный упалъ. И лежалъ во тьмѣ, какъ безъ чувствъ. И вдругъ свѣтъ открылъ дорогу — отъ царскихъ вратъ широкимъ снующимъ лучомъ до выхода — и изъ голуби-свѣта, онъ увидѣлъ, шла отъ царскихъ вратъ Богородица и съ ней апостолы: Андрей и Петръ. И онъ почувствовалъ, какъ руки коснулись его плечъ и тепло и свѣтъ проникаютъ въ него, онъ под-

нялъ глаза и видитъ: на груди у себя серебряный омофоръ и изъ голуби-свѣта Богородица — это отъ нея тянется скользящій, какъ свѣтъ, омофоръ. «Матерь Божія!» — протянулъ онъ руки. И увидѣлъ свои руки, простертыя какъ изъ пропасти. А чувство непомерной жалости къ человѣку съ болью разорвало ему грудь и тянется изъ его сердца вѣткой — въ мигъ запыла въ вѣтку, плыветъ въ голуби-свѣтъ — голубь-свѣтъ теплымъ вѣемъ заполняетъ ему глаза. Богородица показала на него апостоламъ: и апостоль Андрей подалъ ему посохъ, а Петръ евангеліе.

ЧУДОТВОРЕЦЪ

Архіепископъ мирликійскій Николай сразу же заявилъ себя, какъ дѣйствительно избранный среди людей. Не злопамятенъ и всѣхъ милующій — и ужъ гдѣ бы онъ ни появился, съ нимъ всегда миръ: обо всемъ расскажешь и все попросить можно; и чудеса — чудотворецъ.

Одна женщина — Мирская — привела въ церковь къ обѣднѣ своего нѣмого сына двѣнадцати лѣтъ; про нее говорили, что она одержима демономъ, оттого ея сынъ нѣмой родился. Когда кончилась обѣдня, Николай велѣлъ привести въ алтарь нѣмого, и когда привели его, онъ поставилъ мальчика рядомъ съ собой, открылъ ему ротъ и, дунувъ, сказалъ: «Узелъ твоего языка да будетъ развязанъ, ты будешь говорить чисто!» И при послѣднихъ словахъ мальчикъ крикнулъ: «мама! — — Кузьма, чтецъ изъ Каркавы, по прозвищу «полоумный», его привели въ церковь два человѣка: «зачитался» и очень буйствовалъ и въ буйствѣ обыкновенно возносился, называя себя именами великихъ людей, и что онъ всѣхъ перещеголяетъ; Николай поставилъ его въ алтарь и всю службу не отпускалъ отъ себя, а послѣ обѣдни Кузьма вышелъ изъ алтаря тихій. — — Пастухъ Павелъ изъ Крабы — этотъ самъ пришелъ, Кузьма посовѣтовалъ — пастухъ жаловался, что «обтѣнился демономъ» и въ голову ему лѣзутъ всякія неподходящія мысли, и которая засядетъ, топоромъ ее не вырубешь; Николай, обнявъ его голову, сталъ молиться,

пастухъ съ крикомъ упалъ, но Николай продолжалъ молиться и до тѣхъ поръ молился, пока Павелъ не поднялся проясненный. — — Зинонъ изъ Каstellя пришелъ съ провожатымъ, тихій, его называли «самоубійца»; Николай занимался посадкой винограда, увидя Зинона, онъ далъ ему мотыку и велѣлъ работать; весь день трудился «самоубійца» и вечеромъ пришелъ домой, не узнать: говорить — «свой виноградникъ заведу, очень это дѣло интересное!» — — Принесли связаннаго Пирра изъ Андроникъ, Николай вслѣлъ его развязать, но провожатые отказались: «убѣжить, говорятъ, не словимъ!» — Николай взялъ масла и ознаменовалъ его, и буйный вдругъ затихъ, развязали, и онъ спокойно вышелъ. — — Родители принесли изъ деревни Дамасей дочь Кириаку: высохла — «семь лѣтъ безъ движенія, а ничего не болитъ!» — и ее онъ тоже помазалъ масломъ, и она зашевелилась. — — Изъ Символа пришли мужъ съ женой: «всѣмъ, — говорятъ, — довольны, тридцать лѣтъ живемъ мирно, ни разу не побранились, одно горе: дѣтьми не благословилъ Богъ!» — Николай соединилъ ихъ руки и помолился, и на другой годъ они опять пришли и дите съ ними — окрестили мальчика Николаемъ.

И много еще рассказывалось всякихъ чудесныхъ исторій. Вотъ почему у всѣхъ большой интересъ былъ къ его жизни — къ его прошлому: какой онъ былъ, когда былъ маленькій, какъ онъ росъ, учился и сдѣлался священникомъ.



Родился Николай въ Трагалоссѣ — тамъ храмъ во имя архангела Михаила.

«Архангелъ Михаилъ, — говорили, — его ангелъ хранитель и силою его онъ творитъ чудеса!»

О его рожденіи было открыто архимандриту Ива-

новскаго монастыря въ Акализосѣ старцу Савватию, духовнымъ сыномъ котораго и ученикомъ былъ дядя Николай, тоже Николай. Рожденіе его совпало съ закладкой храма св. Сіона въ Фарроа. (Трагалоссъ, Акализосъ и Фарроа — нагорныя селенія къ сѣверу отъ Миръ). Когда онъ родился, положили его мыть въ корыто, и онъ безъ всякой помощи всталъ на ноги и — «держался два часа». А нѣкоторые увѣряли, что «не два, а три» и случилось это при крещеніи. Родители сейчасъ же послали въ Фарроа сказать дядѣ и старцу Савватию о чудесномъ ребенкѣ. И старецъ Савватій сказалъ:

«Слава тебѣ, Боже, что родился и намъ истинный рабъ Божій!»

Николай былъ единственный сынъ — «вымоленный»: Епифаній и Нонна, родители его, были не молодые. Избранность его сказалась съ первыхъ же дней: груднымъ онъ принималъ только правую грудь матери, въ постные дни — по середамъ и пятницамъ — одинъ разъ вечеромъ въ часы, положенные по уставу.

Когда ему было три года, съ нимъ самимъ совершилось чудо: былъ онъ съ матерью на стройкѣ храма въ Фарроа и, когда бѣгаль среди лѣсовъ, стѣна обрушилась и его завалило камнемъ; мать въ отчаяніи звала на помощь — сбѣжались рабочіе, но всѣмъ было ясно, что ничего не поправишь: завалило на смерть!

«И вотъ, — рассказывали, — на глазахъ у всѣхъ камни сами начали разступаться, и ребенокъ вышелъ невредимъ».

По смерти старца Савватія архимандритомъ Акализосскаго монастыря и строителемъ св. Сіона въ Фарроа сдѣлался дядя Николай. Не разъ ѣздилъ онъ въ Палестину: ему хотѣлось по образцу «матери церквей» воздвигнуть и здѣсь, на горахъ Ликіи, «лучистое солнце міра» — св. Сіонъ. Постройка храма была дѣломъ его жизни.

И однажды во снѣ представилось ему, будто архангелъ Михаилъ ведетъ его на гору, чтобы показать храмъ, какой онъ будетъ; и видитъ онъ, на горѣ засіялъ свѣтъ и въ свѣтѣ выступила церковь, и архангелъ сказалъ, что этотъ храмъ прославить «мирликійскій» Николай — «Я его ангелъ хранитель!»

Николаю исполнилось семь лѣтъ. Дядя поручилъ священнику Конону учить его грамотѣ. Съ первыхъ же уроковъ Кононъ былъ пораженъ необыкновеннымъ даромъ своего ученика. И стали говорить, что «Духъ Божій» сошелъ на него. Кононъ повелъ его въ Миры къ архіепископу и архіепископъ, поговоривъ съ Николаемъ, пораженъ былъ не меньше Конона и посвятилъ Николая въ чтецы.

Къ этому времени относятся два чуда, о которыхъ долго будутъ вспоминать въ горахъ Ликии: «чудо о исцѣленіи сухорукой» и «чудо о слугѣ, потерявшемъ золото».



Николай шелъ по утру заниматься къ Конону, около церкви сидитъ сухорукая нищенка, проситъ милостыню. И онъ положилъ ей въ ея сухую руку яблоко, и нищенка подняла эту руку и, сложивъ пальцы, перекрестилась.

Также утромъ, проходя по базару, Николай замѣтилъ челоуѣка: сидѣлъ на самомъ припекѣ, и всѣ прохожіе смотрѣли на него съ любопытствомъ, а онъ, какъ слѣпой, глаза открыты, а ничего не видитъ.

«Что съ вами случилось, чего вы такъ?» — спросилъ его Николай.

Взглянувъ на мальчика, этотъ странннй челоуѣкъ только покачалъ головой: что, молъ, рассказывать, все равно отъ тебя не будетъ проку.

«Я вамъ помогу!» — не отходилъ Николай.

И тотъ даже разсмѣялся:

«Помогу! мнѣ — помочь?»

И разсказаль, что онъ простой человекъ, послаль его хозяинъ воловъ купить, далъ денегъ, и самъ онъ не знаетъ, какъ это случилось: нагнали его молодцы, заговорили, обѣщали воловъ показать и за сходную цѣну, а пришелъ на базаръ, хватъ, денегъ-то и нѣтъ: либо потерялъ, либо вытащили.

«Подождите, — сказаль Николай, — къ вечеру я вамъ все достану!» — и пошелъ не къ Конону, а въ церковь.

До вечера ждалъ несчастный — прохожіе трунили и подсмѣивались: повѣрилъ мальчишкѣ! — а ужъ ему все равно: съ пустыми руками куда ему? а на воровъ валить, самъ въ воры попадешъ! — какъ одереветнѣлъ. И вотъ въ сумерки видитъ: бѣжитъ и въ рукахъ что-то прячетъ. А подошелъ совсѣмъ близко, и тотъ, какъ очнулся, слышитъ:

«Нате, — слышитъ, — деньги! сосчитайте, сколько: нашель на дорогѣ: не то подкинулъ кто, не то обронилъ! это вамъ даръ».

Тотъ изъ рукъ деньги выхватилъ и руки затряслись: тридцать три фунта золотомъ — точка-въ-точку!

**

Въ девятнадцать лѣтъ Николай былъ рукоположенъ въ священники. Постройка храма настолько была закончена, что можно было совершать службу. И на освященіи храма служилъ дядя Николай, учитель Кононъ и въ первый разъ Николай. Вскорѣ дядя померъ, похоронили его въ алтарѣ въ придѣлѣ св. Іоанна и послѣ похоронъ новый акализосскій архимандритъ Левъ назначилъ Николая главнымъ строителемъ св. Сіона.

У Николая было два помощника — духовные братья: Артемій и Гермій. Они были исполнителями его указаний; руководилъ же постройкой онъ одинъ.

Когда обсѣкали скалу передъ алтарнымъ выступомъ храма, Николай временно долженъ былъ покинуть Фарроа: надо было проѣхать во Фригію за матерьялами для украшенія храма. Передъ отъѣздомъ онъ наказалъ братьямъ до своего возвращенія распустить каменотесовъ. Братья не послушали и рѣшили на свой страхъ продолжать работу. Черезъ мѣсяцъ Николай вернулся и застаётъ такое: семьдесятъ пять человѣкъ трудятся надъ камнемъ и не могутъ повернуть.

«Безъ меня ничего не можете!» — сказалъ онъ братьямъ и, выбравъ двѣнадцать, съ двѣнадцатью повернулъ камень.

«Сила Господня въ немъ!» — говорили про него.

И пошла молва, что ему повинуются камни.

* * *

Сидитъ Николай въ своей комнатѣ въ сумерки, читалъ книгу и чего-то задумался. Въ комнату вошелъ демонъ и, преобразившись въ ангела, сталъ передъ нимъ. Николай это сразу почувствовалъ.

«Я ангелъ Господень, — сказалъ демонъ, — посланъ посмотреть, что ты тутъ дѣлаешь?»

«Уходи, — сказалъ Николай, — я знаю, какой ты ангелъ!»

«Напрасно ты меня гонишь, — сказалъ демонъ, — тебѣ повинуются камни, я пришелъ сказать тебѣ мою волю: если захочешь, ты можешь и больше: камень вѣдь это мертвое, но ты можешь и надъ живымъ продѣлать...»

«Говорю тебѣ: уходи!» — и Николай ознаменовалъ демона.

«Хорошо, — сказалъ демонъ, — я уйду, но подъ твоей кровлей я останусь».

Николай зажегъ свѣтъ и сталъ на молитву.

На кухнѣ братъ Гермій, начистивъ картошки, перебиралъ лѣсную землянику: завтра изъ Трагалосса придутъ странники, всѣхъ надо накормить и угостить. Надоѣло смертельно. Рѣдкій день, чтобы посидѣть спокойно, съ утра до вечера въ работѣ. И раздумался Гермій.

«Какая твоя жизнь, — услышалъ онъ голосъ, — неужто ты только и годенъ, чтобы чистить картошку и перебирать землянику, а почему Николай, вѣдь онъ куда моложе тебя, а посмотри, у него своя комната, сидитъ онъ въ теплѣ, ему есть время и книжку почитать и подумать. Камни повинуются! Скажи, какая хитрость: повернуть камень умѣлыми руками! Да если бы Артемій нанялъ не семьдесятъ пять, а семьсотъ семьдѣсятъ пять дураковъ, развѣ что камнемъ задавило бы ихъ на мѣстѣ. И вотъ онъ, всемогущій, сидитъ и книжку читаетъ, а ты на кухнѣ...»

Николаю послѣ демонскаго визита не по себѣ и онъ вышелъ, заглянулъ въ кухню:

«Что ты тутъ дѣлаешь?» — спросилъ онъ брата.

«Не дрова рублю, видишь!» — сказалъ Гермій и сталъ выговаривать, жалуясь на судьбу.

Не узнать было кротчайшаго Гермія: съ какой горечью и ожесточеніемъ выходили его слова. Николай слушалъ: всѣ упреки, они относились къ нему, принималъ терпѣливо... только почему-жъ это? И вдругъ понялъ и, ознаменовавъ брата, коснулся его руки.

И оба увидѣли, какъ изъ кухни въ окно плануль огонь.

Демонъ ушелъ, но дома онъ не покинулъ. Въ домѣ стало безпокойно и въ особенности ночью въ глухой

часъ, когда всѣ спали. И однажды ночью Николай вошелъ въ комнату Артемія. Артемій тоже не спитъ.

«Ты ничего не слышишь?»

«Кто-то все ходитъ, — отвѣтилъ Артемій, — я смотрѣлъ: на лѣстницѣ никого нѣтъ. Шорохъ — ты слышишь?»

«Это не человѣкъ!» — сказалъ Николай.

И оба стали на молитву, пока не успокоилось.



Два чудесныхъ случая особенно любили вспоминать на горахъ, они относятся ко времени окончанія работъ по постройкѣ храма: «чудо съ хлѣбомъ» и «чудо съ виномъ».

Неожиданно собралось много рабочихъ. Николай замѣтилъ, что братья, готовя столы, смущены. Подозвалъ Гермія. Гермій, кивнувъ на ожидавшихъ, тихо сказалъ:

«Орава — восемьдесятъ три человѣка, а у насъ одинъ хлѣбъ!»

«Принеси мнѣ этотъ хлѣбъ!» — сказалъ Николай и, обратясь къ мастерамъ, пригласилъ къ столу.

Когда всѣ размѣстились, Гермій принесъ хлѣбъ. Николай взялъ его и, благословивъ, разломилъ и сталъ раздавать по кускамъ. И всѣ ѣли и насытились, и остались еще куски: ихъ набрали съ девяти столовъ три лукошка.

«Однимъ хлѣбомъ, — говорили, — всѣ насытились, да еще и осталось!»

Братья св. Сіона тоже затѣяли отпраздновать окончаніе и устроили обѣдъ. Николай далъ Артемію три хлѣба и «тришестеричную» кружку вина. А когда Артемій съ благословеннымъ полуштофомъ показался въ трапезной, братья возроптали:

«Это что жъ, — говорятъ, — этимъ и усовъ обмо-
чить не хватить!»

Артемій вернулся:

«Ропщуть, — говоритъ, — виномъ, говорятъ, оби-
дѣль!»

Тогда Николай взялъ поднось и вышелъ къ брать-
ямъ:

«Надо было мнѣ сегодня, братья послужить вамъ».

И обходя столы, сталъ наливать, кому сколько хо-
чется. И всѣ пили, не отказывались и разошлись навесе-
лѣ.

«Пусть, — говорили, — отъ сего дня не будетъ ни-
кого невѣрующаго ему!»

А эту вѣру въ его чудесную силу подтвердилъ слу-
чай во время засухи.

Въ Фарроа пришли изъ долины просить помощи:
все поле выжжено и грозитъ голодъ. Николай спустился
съ горы къ церкви мученицы Калиники, отслужилъ
обѣдню и послѣ обѣдни, созвавъ все село, съ крестами
обошелъ поле, прося о «примиреніи» и о «посланіи спа-
сенія». А когда съ поля возвращались въ церковь и весь
народъ кричалъ: «Господи помилуй!» — ударилъ дождь
да такой, испугались: думали, что всѣ потонуть.

А завершилъ чудеса чудеснѣйшій случай съ Тигри-
емъ изъ Плинія.

Пришелъ этотъ Тигрій со своей Леонилой въ Фар-
роа, кланяются: у всѣхъ на селѣ урожай двадцать пять
медіевъ, а у нихъ пятнадцать, а зерно у всѣхъ одинако-
вое. И подають въ горсткѣ:

«Нельзя ли какъ поспособствовать!»

Растрогали: ужъ очень смѣшные, и жалко. Благосло-
вилъ онъ сѣмена.

«Идите, — говоритъ, — старики съ Богомъ, засѣ-

вайте ваше поле и не ропщите: могущій малое умножить и многое умалить!»

Тигрій съ Леонилой вернулись домой и одно твердя: «могущій умножить», засѣяли свое поле. И урожай на-глазъ, какъ у всѣхъ, какъ всегда, а какъ смололи: у всѣхъ — двадцать пять медіевъ, а у стариковъ — тысяча двадцать пять!

И какъ потомъ въ Патарахъ Урсъ трубилъ о тысячѣ франковъ — чекъ, который въ тяжелую минуту его жизни Николай тайно положилъ ему на столъ, такъ этотъ Тигрій съ Леонилой звонили по всѣмъ горамъ, что собрали не пятнадцать, какъ всегда, не двадцать пять, какъ всѣ, а тысячу двадцать пять! — и прямо указывали, что эту самую тысячу сверхъ нормы подсыпалъ имъ священникъ св. Сіона въ Фарроа Николай.



Отчасти по просьбѣ родителей, у которыхъ была земля и домъ въ Патарахъ, отчасти для испытанія и стажа -- Николаю исполнилось двадцать семь лѣтъ — архіепископъ Іоаннъ назначилъ его въ Патары.

И вотъ изъ глухого захолустья, куда и дорогъ не было, однѣ горныя тропинки, изъ села Фарроа попадаетъ Николай въ самый центръ Ликии. Въ Патарахъ онъ прослужилъ три года. Смерть родителей, наслѣдство, щедрость и наконецъ случай съ Урсомъ.

Какъ Тигрій — горамъ, Урсъ городу объявилъ имя «Николай».

Передавая чудесные случаи изъ его жизни, о немъ говорили по всей Ликии, какъ о избранномъ среди людей — чудотворецъ, который просвѣщаетъ очи слѣпымъ, отверзаетъ уши глухимъ, приводитъ въ голосъ

языкъ нѣмыхъ, разрѣшаетъ союзъ демоновъ и исправляетъ разслабленныхъ.

«Архангелъ Михаилъ, — говорили, — его ангелъ хранитель, и силою его онъ творить чудеса!»

И Миры стали центромъ, куда потянулись за чудомъ.

КИПАРИСЪ

Въ Плакомѣ славилось священное дерево: кипарисъ. Кипарисъ стоялъ среди поля и къ нему вела дорожка. Во всякихъ несчастныхъ случаяхъ — съ ушибами, искривленіями, грыжей — шли къ кипарису за помощью. И кипарисъ же, отѣняя поле, посылалъ урожай.

Въ кипарисѣ гнѣздился демонъ. Въ его волѣ и жизнь и смерть Плакомы: разсердится, не одобровать — и тогда ни людямъ, ни зайцамъ близко нечего и думать.

Демонъ съ чего-то былъ недоволенъ: сжегъ поле и беспощадно требовалъ жертвы. Беспощаденъ онъ былъ къ дѣтямъ: не проходило дня — тотъ съ крыши свалился, другого автомобиль переѣдетъ, — не было дома, вездѣ растетъ калѣвка.

Въ Миры отправилась депутація, просятъ архіепископа — всѣ средства испробовали, ничего не дѣйствуетъ, жертвами не умилоствитъ демона.

— Или всѣ погибнемъ, или бѣжать.

Архіепископъ взялъ топоръ и пошелъ на село — Плакома сейчасъ же подъ Мирами.

По красному выжженному полю повели его по дорожкѣ къ кипарису. А тамъ все село въ сборѣ и всѣ жмутся въ сторонкѣ: страшно переступить завѣтной тѣни. И такіе всѣ маленькіе и слабые — козявки! — передъ мощью и овѣянностью дерева.

— Это и есть священное дерево?

— Кипарисъ, — отвѣчаютъ, — такого нигдѣ нѣтъ, одинъ на весь округъ.

— А что это за раны? — показаль архіепископъ на насѣчки.

— Давно это было, — сказалъ старикъ, — точно никто не помнитъ, а рассказываютъ, будто кто-то изъ древнихъ приходилъ, три топора принесъ, а какъ началъ рубить, демонъ вырвалъ у него изъ рукъ топоры и зарубилъ на смерть: тутъ его и могила у корней.

— Я его срублю! — сказалъ архіепископъ и сталь на молитву.

И за тѣ часы, что онъ молился, всѣ глаза были устремлены не на него, а на кипарисъ: и развѣ можно безнаказанно посягать на такое? И когда онъ кончилъ молитву, онъ видитъ, что онъ одинъ, а тѣ еще дальше за завѣтнымъ кругомъ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! — сказалъ Николай и трижды ударилъ топоромъ.

И въ наступившей тишинѣ всѣ слышали голосъ: издалека донесся этотъ голосъ, какъ бы изъ за горы, и глухо, какъ удары топора:

— Увы! никѣмъ никогда я не былъ побѣжденъ, а ты заставляешь меня бѣжать.

Переступивъ завѣтный кругъ, бросились къ дереву и начали рубить, а тѣ, что остались за кругомъ, галдя, наблюдали.

— Отойдите къ сѣверу — къ Анавѣ! — приказаль архіепископъ: онъ замѣтилъ, что кипарисъ наклоняется къ западу.

И когда, присмирѣвъ, перебѣжали, кипарисъ выпрямился, точно чья-то рука держала его, и медленно сталъ нагибаться на сѣверъ — къ Анавѣ.

— Онъ падаетъ на насъ! — кричали не своимъ отъ страха, и отъ страха никто не смѣлъ шевельнуться.

Николай, поднявъ руки противъ дерева, громко сказалъ:

— Возвратись назадъ! и иди, куда тебѣ показано.

Кипарисъ перегнулся и полетѣлъ на западъ — и тамъ упалъ.

И завѣтная тѣнь его разсѣялась.

Послали въ Миры, Анаву и Арнабанду за пильщиками. Но ни одинъ мастеръ не рѣшился пилить священное дерево.

А было оно въ толщину три съ половиной аршина, а въ высоту сорокъ.

**
*

Изъ окрестныхъ округовъ — Арнейскаго и Мирскаго согнали народъ тащить кипарисъ въ Миры: въ Мирахъ строилась церковь Богородицы и этотъ чудесный кипарисъ назначался для церкви.

Народу сбилось — муравейникъ, да съ голыми руками не подступиться.

Изъ Миръ привезли машину, окутали кипарисъ проволокой и цѣпями, подвели подъ него колеса. Сто человекъ взялись за цѣпь — «Дай дорогу!» — кричатъ — а дерево ни съ мѣста.

Николай велѣлъ звонить въ Соборъ и, отстраня народъ, самъ взялся за цѣпь — и одинъ подвинулъ дерево на шагъ. И дерево легко покатилося на колесахъ.

По дорогѣ несчастье: когда спускались съ горы, цѣпь лопнула и этакій кусокъ оторвался отъ дерева и въ щепы. При такой длинѣ, конечно, пустякъ, не обратили вниманія, поправили цѣпи и опять потащили. И притащили къ церкви, а какъ подняли, архитекторъ говоритъ:

— Не годится: трехъ метровъ не хватаетъ, а наставлять другимъ, всю музыку испортишь.

Позвали архіепископа: не ихъ вина, а несчастье —

— Это — рукъ демона.

Николай велѣлъ стать по концамъ дерева и тянуть, а самъ взялъ посохъ и, трижды ударивъ дерево, сказалъ:
— Расти!

И когда опять подняли кипарисъ — дерево какъ разъ, да еще метра на два заскочило выше церкви.

Архитекторъ полѣзъ укрѣпить, схватился за прибавочную верхушку и упалъ. Глядь — а онъ и не дышетъ.

Николай сталъ надъ нимъ и молился.

Всѣ ждали, а у всѣхъ было такое, что не встанеть: вѣдь этакъ дряпнуться о камень! Николай молился. И вдругъ архитекторъ глубоко вздохнулъ, раскрылъ глаза и говорить:

— «Поругаться - то люди всегда успѣютъ, давай жить дружно!» Не успѣлъ я ротъ разинуть, а онъ меня за горло. Больше я ничего не помню.

И поднявшись, какъ ни въ чемъ, полѣзъ опять.

**
*

Демону скучно, на чемъ успокоиться?

Изъ Каркавы пришли къ архіепископу съ жалобой.

— На селѣ одинъ колодецъ и этотъ единственный колодецъ испортили!

Какой-то прохожій зашелъ къ пильщикамъ звать на работу, угостилъ, какъ полагается, подвыпили и пошли по селу. И захотѣлось ихъ пріятелю пить, подошли къ колодцу, наклонился онъ воды почерпнуть, да и кувырнулся съ ковшомъ. И такъ и этакъ его вылавливали — чѣмъ только въ колодецъ ни тыкали, ковшъ всплылъ, а его и званія нѣтъ, какъ и не было. Тутъ хмель-то у пильщиковъ весь соскочилъ, поняли, что за пріятель, да поздно: воды въ ротъ не возьмишь — и мутная, и горькая, и кислотой-то отъ нея на три версты, глаза ѣстъ.

— Ни скоту, ни людямъ — душа не принимаетъ.

Архіепископъ пошелъ въ Каркаву и прямо къ колодцу — и всѣ пильщики собрались и народъ: просятъ.

Нагнувшись надъ колодцемъ, Николай трижды осѣнилъ его крестомъ —

— — —

И такое поднялось въ колодцѣ, точно гдѣ въ брюхѣ урчить, да съ переливомъ и толстымъ голосомъ изъ перелива:

— За что ты гонишь меня?

И все затихло.

Архіепископъ почерпнулъ воды — вода была свѣтлая и чистая. Попробовалъ и подалъ ковшъ передавать.

И всѣ пили:

— Вода, какъ вода!

**
*

Архіепископъ вернулся изъ Каркавы, а его ждутъ изъ Арнабанды. Въ Арнабандѣ несчастье: высохли источники — и люди, и скотъ мрутъ отъ жажды.

— Источникъ есть, — говорятъ, — но скрытъ на Кесари.

— Откуда это вы знаете, на Кесари?

— Отъ отцовъ слышали, — говорятъ, — называли Кесари, но въ какомъ мѣстѣ, не знаемъ.

Все село собралось для встрѣчи и всякій высказывалъ свои догадки.

— Пойдемте къ горѣ, — сказалъ архіепископъ, — просимое исполнится.

День былъ знойный, дорога трудная, но шли безропотно, прошли бы и еще столько! На закатѣ онъ остановился и, опустившись на колѣни, сталъ молиться.

И одни послѣдовали ему, но были и другіе.

— Немыслимое дѣло, — говорили, — на такой высо-

тѣ! какой же можетъ быть здѣсь источникъ? ужъ если дѣйствительно есть, то, конечно, тамъ — ! — и показывали въ противоположныя стороны.

— На мѣстѣ, гдѣ я преклонилъ колѣна, — сказалъ Николай, — здѣсь мнѣ открылось благословеніе воды.

И поднявшись, взялъ кирку и до трехъ разъ копнулъ землю.

— Здѣсь источникъ! — и велѣлъ копать.

И когда прорыли на полтора аршина, высоко ударила струя.

**
*

Высоко — еще выше! — задохнувшись, взлетѣлъ демонъ.

Надъ нимъ было солнце и съ земли, какъ тысяча солнцъ выбивалъ на горѣ источникъ. Въ послѣдній разъ онъ посмотрѣлъ на Ликию — не было завѣтной тѣни! — и, перемахнувъ крыльями — мертвая петля — понесся надъ моремъ на полдень.

«Вотъ, — говорили, — въ нынѣшнемъ году появилось много пятенъ на солнцѣ и вонъ, посмотрите! а какая жарница!» — и, подставляя лицо и руки свѣтящейся горной водѣ, отъ удовольствія фурчали.

**
*

Въ Александріи на площади стояла бронзовая кошка. Никто не помнитъ, кто поставилъ или въ честь кого стоитъ кошка на самомъ видномъ мѣстѣ. Кошка занимала немного мѣста и ее не трогали, но, проходя, постоянно подтрунивали и называли ее «бестія». И кошку это раздражало, усатая, съ выпущенными когтями, не будь изъ бронзы, она ослѣпила бы всю Александрію.

Въ эту бронзовую усатую кошку и засѣлъ демонъ.

Ему было очень тяжело: грудь его прорублена, руки распилены, дышать нечѣмъ!

И съ того дня, какъ демонъ сѣлъ въ кошку; Александрія вдругъ какъ ослѣпла и началось такое безобразіе, одному Богу извѣстно: къ вечеру большая половина жителей была привлечена къ уголовной отвѣтственности, на слѣдующій день всѣ архонты попали въ комиссаріатъ, а на третій день не было человѣка, не исключая малолѣтнихъ и особъ духовнаго сана, на кого бы не былъ составленъ протоколъ, и въ заключеніи префектъ, человѣкъ безукоризненной честности, самъ поймалъ себя на вымогательствѣ и, добросовѣстно запротоколивъ свое дѣяніе, подалъ въ отставку.

Александрійскій патріархъ, видя, что всѣ дѣла спутались — дальше итти некуда, и грозитъ Содомъ и Гоморра, явился въ магистратъ и на засѣданіи объявилъ, что никакими административными мѣрами прекратить безобразіе невозможно, потому что не только люди, а и со скотомъ подозрительно. И весь цикъ охотно передалъ власть патріарху, лишь бы какъ-нибудь взять себя въ руки и вернуться къ мирной жизни.

Патріархъ немедленно издалъ указъ:

«Грудныя дѣти разлучаются съ матерями, скоту прекратить кормъ, архонты обязаны снять свои шитые золотомъ мундиры и надѣть синее камло, и на все населеніе наложенъ постъ — пятнадцать дней, всеобщая и обязательная молитва».

А самъ, отслуживъ обѣдню, вышелъ на амвонъ и распростерся на землѣ.

И распростертый на землѣ семь дней онъ не пилъ и не ѣлъ. И на седьмой день привидѣлось ему: слышитъ онъ голосъ:

«Пока, — говоритъ, — не явится Николай, архіепископъ мирликійскій, демонъ не покинетъ городъ!»

Патріархъ поднялся, вышелъ на площадь и объявилъ народу:

— Пока не явится Николай архіепископъ мирликійскій, демонъ не покинетъ городъ!

Лучшій александрійскій авіаторъ предложилъ свой аэропланъ доставить архіепископа въ Александрію. Патріархъ написалъ письмо: все, что творится, и просилъ помочь. На аэропланъ посадили съ письмомъ архидіакона — умолялъ его патріархъ на нѣсколько часовъ воздержаться: молчаливый и скромный архидіаконъ, подверженный всеобщему омраченію, безъ удержу и неистощимо сквернословилъ.

И когда аэропланъ благополучно снизился въ Мирахъ и высвобожденный изъ кабинки архидіаконъ, одергиваемый пилотомъ, передалъ письмо архіепископу, слезы показались на глазахъ у архіепископа:

— Врагъ человѣческаго рода, — сказалъ онъ, — когда ты прекратишь войну?

Пока пилотъ запасался бензиномъ, архидіаконъ, окруженный любопытными, поразсказалъ такія чудеса — «три дня въ Александріи», на что, кажется, человѣкъ ко всему привыченъ, и то, знаете, неловко, ну и смѣху было.

Все оказалось въ исправности, медлить нечего, и съ архіепископомъ полетѣли назадъ въ Александрію.

И когда аэропланъ былъ въ разстояніи трехъ стадій, демонъ почувалъ и вышелъ изъ города — что онъ чувствовалъ? какую таилъ жгучую месть? или на какую гибель обрекалъ врага? — бронзовая усатая кошка упала на камень и разнесло бестію на мелкіе куски.

Архіепископъ пробылъ три дня въ Александріи.

И жизнь въ городѣ пошла по прежнему мирно, ну какъ идетъ дѣловая и домашняя жизнь среди людей, и одни даже не вспоминали, или дѣлали видъ, что не помнятъ, а другіе вспоминали и не безъ удовольствія.

**
*

И вотъ оно пришло: она пришла изъ Ефіопіи — Ефіопія, Египеть, Палестина, Миры — и имя ей было бубонъ, не щадя и никого не милуя.

Въ Мирахъ наступило настоящее бѣдствіе: мерли и отъ чумы и отъ голода.

Крестьяне сосѣднихъ селъ боялись занести чуму и прекратили подвозъ въ городъ. Пробовали воздѣйствовать силой, не помогло: карательный отрядъ вернулся въ Миры — кто съ фонаремъ, кто объ одной ногѣ.

Архіепископу во снѣ явился ангелъ и сказалъ:

«Иди въ дома молитвы и принеси жертву!»

Николай понялъ указаніе своего ангела и собрался самъ объѣхать всѣ ближайшія села, гдѣ его имя зналъ всякій. Только на это онъ возлагалъ надежды спасти городъ отъ голодной смерти.

Онъ началъ съ Трагалосса — своей родины, тамъ у храма архангела Михаила онъ закололъ двухъ быковъ и устроилъ угощеніе. И всѣ были очень довольны и обѣщались все исполнить, что онъ укажетъ.

Изъ Трагалосса онъ прошелъ въ Акализосъ, гдѣ онъ учился у Конона, тамъ у храма Іоанна Предтечи онъ закололъ пять быковъ и угостилъ все село. И всѣ были очень довольны и обѣщались все исполнить, что онъ укажетъ.

Изъ Акализоса онъ прошелъ въ Фарроа и у храма св. Сіона, гдѣ прошла его юность, закололъ трехъ быковъ. Очень ему всѣ обрадовались и обѣщались все исполнить, что онъ укажетъ.

Изъ Фарроа дорога въ Плиній, гдѣ жилъ чудесный старикъ со старухой — Тигрій и Леонила, тамъ его

встрѣтили съ крестнымъ ходомъ и у храма Георгія онъ закололъ семь быковъ — на обѣдѣ было до двухсотъ столовъ и подали на столы сорокъ медіевъ хлѣба и сто мѣръ вина, а оставшіеся послѣ угощенія шестьдесятъ мѣръ и сто хлѣбовъ роздали странникамъ. И всѣ были очень довольны и обѣщались все исполнить, что онъ укажетъ.

Потомъ пошелъ онъ въ Каркаву и у храма архангела Гавріила закололъ трехъ быковъ и на обѣдѣ подали семьдесятъ мѣръ вина и тридцать медіевъ хлѣба. И всѣ были очень довольны и обѣщали все исполнить, что онъ укажетъ.

И то же въ другихъ селахъ, куда приходилъ онъ: и въ Каусаи у храма Феодора, и въ Новой Деревнѣ у храма архангела Михаила, и въ Симболѣ у храма Димитрія, и въ Партезосѣ у храма Епифаніи, и въ Наутенѣ у храма Богородицы Великой, и въ Серинѣ у храма Ирины, и въ Тревендаѣ у храма архангела Михаила — вездѣ закалывалъ быковъ — жертву, ставились столы и подавалось угощеніе.

И было пьяно-и-весело и всѣ были очень довольны и обѣщались все исполнить, что онъ укажетъ.

За двадцать пять дней Николай обошелъ всю окрестность и вездѣ видѣлъ избытокъ и встрѣчалъ радушіе. И когда онъ вернулся въ Миры, не узнать было города, зачумленнаго бубономъ и истощеннаго голодомъ, — ни о чумѣ, ни о голодѣ: всѣ базары были завалены продуктами, трубы въ домахъ дымились и слышно было — музыка и пѣсня.



Послѣ дня безмолвія, когда душа особенно раскрыта и всѣ чувства очень чутки, приснилось Николаю: видитъ онъ жертвенникъ — обломанный и сдвинутый -

сѣрые камни; подошелъ поближе, чтобы поклониться, и когда взглянулъ вверхъ: завѣса была внѣ. Возвращается въ церковь, а тамъ у дверей вода — вода собирается въ притворъ — много, и водопадомъ льется по ступенькамъ изъ церкви —

И онъ очутился въ Фарроа, онъ сидитъ въ своей комнатѣ и съ нимъ братъ Артемій. И вдругъ видитъ: всадникъ — въ рукахъ серпы.

«Я ангелъ, держащій жатвенные серпы, — сказалъ всадникъ, — меня послалъ Господь дать тебѣ одинъ изъ серповъ: время жатвы приходитъ на весь мѣръ».

Николай поднялся, потрогалъ серпы: ширина ихъ въ пять, а длина въ пятнадцать локтей. И говоритъ тихо брату:

«Принеси три хлѣба, дадимъ ему!»

Но Артемій не хочетъ: съ какой стати!

«Не хочешь, да онъ самъ возьметъ и еще возьметъ и двухъ голубей».

И пошелъ въ кухню за хлѣбомъ —

И опять онъ въ церкви, входитъ въ алтарь и видитъ: отъ жертвенника ему навстрѣчу воинъ. Николай вглядывается и узнаетъ его, остановился. А воинъ сдѣлалъ еще шагъ и въ синемъ кругѣ засвѣтились крылья и въ рукахъ сверкнулъ мечъ.

«Я Михаилъ, — сказалъ архангелъ, — твой водитель. Серпы, которые ты видѣлъ, сила и печать Господня, и дано тебѣ, что черезъ твои руки будутъ серпами отдаваться Богу человѣческія души».

И Николай увидѣлъ въ рукѣ у себя горящую свѣчу.

КЪ СТѢНКѢ

Ни возрастъ архіепископа, ни тюрьма и опасность — въ гоненія не мало высидѣлъ, а ужъ принялъ горя, на глазахъ самыхъ близкихъ разстрѣливали! — нѣтъ заботы: человѣкъ-то, вонъ его какъ!

Всѣ назывались христіанами, не быть христіаниномъ опасно, строились церкви, справлялись праздники — постоянно процессіи, крестный ходъ, всюду образа, иконы, кресты, и всегда толпы, не проткнешься или задавятъ, а попробуй-ка не пойти, попадешь на замѣтку.

И откуда эта черная злоба — человѣческая, ненависть, подсиживаніе? — братскій крестъ, а какъ послѣдніе враги!

**

Въ сосѣдней Фригіи взбунтовались изъ-за какого-то продналога. Изъ центра посланъ былъ карательный отрядъ подъ начальствомъ трехъ командировъ. Имена ихъ извѣстны: Непотіанъ, Урзосъ и Герпиліонъ — отчаянный народъ! Мѣтилъ отрядъ во Фригію безъ всякой задержки, а поднялась буря и высадились въ Ликии. Ликійцы перепугались, а тѣ думаютъ, пріѣхали — и пошла потасовка. Начальники справиться не могутъ. Портъ Мирскій — Андриаки, сейчасъ же послали въ Миры. А тамъ — дрянцо народъ! — перетрусили и къ архіепископу: ему ѣхать. (Шкура-то своя больно близко!). Пріѣхалъ архіепископъ: въ чемъ дѣло? А такое творится — и не подступись. Архіепископъ вышелъ къ народу:

— Не случись бури, — сказалъ онъ, — не видали бы и въ глаза эти несчастныя банды!

И благословилъ ихъ.

А отряду велѣлъ итти въ казармы: тамъ ихъ напоить и накормятъ, а успокоится море, ни минуты не задержатъ, поѣдутъ туда, куда ихъ послали.

— Ликія не Фригія, Фригія подальше!

И благословилъ ихъ.

И когда на улицахъ началась обычная жизнь, открыли магазины, архіепископъ пошелъ къ начальникамъ. Очень были всѣ довольны. Но просили архіепископа перобыть день и переночевать: мало ли что можетъ выйти!

— А на утро, дастъ Богъ, и въ путь пойдемъ!

Архіепископъ остался.

**
*

Вечеромъ за чаемъ любопытно послушать — молодежь поразсказать горазда: Константинополь, Константинъ и какіе новые порядки и столичная жизнь. А на волѣ море погуляло - побѣсилось и успокоилось — и это хорошо; и въ городѣ тишина, огоньки зажгли — и того лучше. А намучились-то какъ за день! Пораньше бы спать лечь.

А вотъ и опять: пріѣхали изъ Миръ, просятъ — надо переговорить съ архіепископомъ по важному дѣлу.

Непутевое дѣло вышло въ Мирахъ:

по проискамъ начальника схватили трехъ ни въ чемъ неповинныхъ (зубъ имѣлъ!), обвинили въ тягчайшемъ преступленіи — «противъ государства», судъ въ спѣшномъ порядкѣ, и вынесли приговоръ: къ высшей мѣрѣ наказанія — и каждую минуту приговоръ можетъ быть приведенъ въ исполненіе.

Разсказывала сестра одного изъ осужденныхъ, плакала, просила за брата — «не виновенъ и тѣ его товарищи ни въ чемъ не виноваты!» Она обращалась къ самому начальнику — Евстафій! — ее турнули и пригрозили самое засадить. Одно спасеніе — слово архіепископа.

— Но надо сейчасъ же, сію минуту!

— Да кого же это?

Имена извѣстны: Крессанъ, Діоскоридъ и Никоклесь — честные, прямые люди, и не вихляй какой, не шкурникъ, и нѣтъ этой гадости человѣческой — «выслужиться», лакейства!

Архіепископъ поднялся, чтобы немедленно ѣхать. И съ нимъ командиры: любопытно!

И какъ разъ во-время поспѣли — еще минута и ужъ было бѣ поздно.

**
*

На тюремномъ дворѣ передъ бѣлой стѣной въ однихъ сорочкахъ стояли осужденные, сливаясь со стѣной, и только лица черныя отъ фонарей, да ноги, какъ жерди — архіепископъ появился внезапно въ дверяхъ двора и съ нимъ вооруженные командиры — палачъ нацѣливался —

«и только что я нацѣлилъ — солдатъ разсказываль, исполнявшій обязанности палача, — вдругъ меня какъ кольнетъ въ пахъ, вздрогнула рука, я отвелъ глаза и вижу, въ дверяхъ архіепископъ и рукой жалостно такъ, — до смерти не забуду!»

Да и никому не забыть: архіепископъ остановилъ казнь!

Перепуганный Евстафій (начальникъ) — не столь-

ко архієпископа, сколько этихъ молодцовъ: «дойдетъ до центра, вытурятъ да еще подь судъ!» — признался, что зря все надѣлалъ, «сшибся!» — и просилъ прощеніе.

Осужденныхъ освободили.

Не покидавшіе архієпископа командиры — Непотіанъ, Урзосъ и Герпиліонъ: огромное впечатлѣніе — «вотъ, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ!» — распустились съ архієпископомъ и назадъ въ Андриаки, а архієпископъ остался въ Мирахъ.

«Архієпископъ мирликійскій Николай!» — записалъ себѣ въ записную книжку который-то: будетъ о чемъ поразсказать!



Непотіанъ, Урзосъ и Герпиліонъ — начальники карательнаго отряда благополучно добрались съ отрядомъ во Фригію, бунтъ усмирили и все, что требовалось по продналогу, даже съ лишкомъ (съ перепугу обсчитывались, а кто и задобрить), побѣдителями вернулись въ Константинополь.

Отвѣтственное это дѣло — Фригія, а за то и награда. И не думали, взлетѣли!

И жить бы тихо-смирно — деньги, почетъ, слава. Вѣдь повезетъ же людямъ! Но не дай Богъ этого счастья! Тебѣ счастье — другому зависть. Безъ этого невозможно.

А позавидовалъ самъ префектъ — правая рука царя: и у самого некуда дѣвать, и чего, кажется, человѣку надо, такъ нате жъ — и зачѣмъ и почему? — успокоиться не можетъ. Этотъ префектъ, похвалить при немъ никого нельзя, морду надуетъ, бя-бя — (должно быть, во всѣ времена всѣ народы на всѣхъ языкахъ, важничая, блякали!) обидѣлся!

Если человекъ человека извести захочетъ, найдетъ себѣ. А если еще власть, и ждать не заставитъ.

Такъ этотъ Авлалій съ этими. (Это вамъ не Фригія — Константинополь!).

Зацапали. Въ тюрьму. И обвиняютъ: за участіе въ организаціи — противъ царя. А на самомъ дѣлѣ: организаціи - то никакой, все подстроено, да и въ мысляхъ не было противъ царя. Да кто-жъ твои мысли проверитъ: а можетъ и было? Такія дѣла скоро рѣшаются. А конецъ — къ стѣнкѣ. И никто не заступится: еще и тебя приплетутъ!

Вотъ и сидятъ — и на умѣ ничего нѣтъ — всѣ лазейки испробованы — ничего не поможетъ. Послѣдняя ночь. Завтра: «пожалуйте бриться!»

И вспомнили они всю свою жизнь — много было всякихъ авантюръ! — буря, Мирскій портъ, бунтъ, Меры и вдругъ отчетливо: тюремный дворъ и у бѣлой стѣны въ однихъ сорочкахъ — черные отъ фонарей лица и ноги, какъ жерди, архіепископъ поднялъ руку — и палачъ задрожалъ — и потомъ, какія это лица! — не черныя — бѣлыя, какъ стѣна — «они не виноваты!» — они тоже невиноваты — —

И послѣднимъ словомъ — въ памяти своей — послѣднимъ голосомъ, безнадежно ко всякой людской защитѣ, взмолились они —

Милостивый нашъ Никола,

гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

И на сердцѣ тепло — вѣра — успокоилось и заснули.

**
*

Была глубокая ночь. Давно всѣ спали. Только въ ресторанахъ еще безобразничали да угрюмо, безсонные, дальніе поѣзда шли, да пароходы внимательно колесили море.

Спаль и царь.

И въ ту минуту, когда несчастные заключенники изъ послѣднихъ воззвали къ архіепископу мирликійскому, видитъ царь сонъ:

раскрывается дверь въ спальню, входитъ старикъ и въ раскрытой двери свѣтъ, какъ морское дно, колеблющійся, зеленоватый и въ свѣтѣ старикъ приблизился къ кровати.

«Освободи Непотіана, Урзоса и Герпиліона, — сказалъ старикъ, — они невиновны!»

Царь оторопѣлъ было, но старикъ стоялъ очень спокойно.

«Какъ ты смѣлъ войти сюда?»

Ничего старикъ не отвѣтилъ, спокойно, и только по улыбкѣ прошло: «дуракъ ты, дуракъ!»

«Кто ты такой?»

«Я — архіепископъ мирликійскій Николай! — и нахмурился, — говорю тебѣ, освободи невиновныхъ или самому не сдобровать!»

Царь хотѣлъ крикнуть: «вонь!» — да ротъ не разлипается и свѣтъ заливаешь глаза.

Утромъ пришелъ Авлалій: принесть бумаги для подписи — и эту, приговоръ — помилованія не можетъ быть.

— Вотъ: Непотіанъ, Урзосъ и Герпиліонъ, по дѣлу о покушеніи — — странный сонъ мнѣ сегодня снился! Эти господа чего-то мудруютъ! Только что я заснулъ, вижу, отворяется дверь и входитъ старикъ и прямо съ угрозой: «освободи Непотіана, Урзоса и Герпиліона или самъ погибнешь!» Я говорю: «слушайте, кто вы такой?» — «Я архіепископъ мирликійскій Николай!» И я проснулся.

Царь — какъ холодомъ обдало:

— И мнѣ тоже, — сказалъ онъ пугливо, — снился — Миры ликійскія...

— Около Родоса въ Малой Азіи, теперь это все Анатолія.

— А интересно бы провѣрить, какой такой способъ: насылать одинъ и тотъ же сонъ одновременно двумъ разнымъ лицамъ?

И царь велѣлъ привести къ себѣ осужденныхъ.

И когда ихъ привели изъ тюрьмы, первый вопросъ: пусть откроютъ секретъ, какъ наводитъ сонъ?

— Одинъ и тотъ же одновременно двумъ разнымъ лицамъ?

— Мы не умѣемъ.

— Но вѣдь вы же это сдѣлали!

— — —

Пользуясь случаемъ говорить съ царемъ — а вѣдь ихъ обвиняли въ организаціи покушенія на царя! — стали они рассказывать о себѣ, о своей службѣ. Но царь ихъ не слушалъ: ему на счетъ сна интересно!

И они это поняли: ихъ съ кѣмъ-то перепутали, въ первый разъ слышать, имъ и сновъ никогда не снилось, и дѣло ихъ пропащее; вотъ и послѣднее — лично говорить съ царемъ — ни къ чему. И не видя себѣ никакого спасенія, какъ тогда въ раздумьѣ въ послѣднюю ночь, вырвалось у нихъ изъ самага сердца, послѣднее:

Милостивый нашъ Никола,
гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

А ихъ ужъ хотѣли уводить назадъ въ тюрьму.

— Кто такое этотъ Николай? — остановилъ царь.

— Николай архіепископъ мирликійскій!

И опять — какъ холодомъ обдало, нѣтъ, еще жутче.

— Когда мы были во Фригіи по продналогу —, —

и осужденные рассказали, какъ въ Мирахъ архіепископъ освободилъ отъ казни трехъ невинно осужденныхъ, — мы это своими собственными глазами видѣли.

Царь поднялся.

— Вы свободны, — сказала царь, — не я васъ помиловала, Наколай архіепископъ мирликійскій! Идите и поблагодарите его.

И взялъ со стола евангеліе — работа московскихъ доброписцевъ и два серебряныхъ подсвѣчника со свѣчами (ростовской рѣзбы):

— Передайте ему отъ меня, и скажите: говоритъ царь: «я — исполнилъ!»

А Непотіанъ, Урзось и Герпиліонъ, ухватя царскіе дары — теперь они на свободѣ! — отъ счастья какъ обалдѣли: топчутся въ дверяхъ, а выпихнуться не могутъ —

— Покажите намъ выходъ!

ПРОДОВОЛЬСТВІЕ

Голодь — это такое, за какой завалющій кусокъ душу продашь, а нажрался и все позабылъ. О голодѣ, какъ и холодѣ, не вспоминаютъ. И благословенно это забвеніе, потому что нѣтъ большаго униженія, какъ чело-вѣкъ — голодный.

Въ Ликіи голодовки не рѣдкость. Своего хлѣба никогда не хватало. А если случится неурожай или заминка въ торговлѣ, пиши: пропаль. И этого всегда можно ждать. И дождались. Больше всего пострадали, конечно, города.

Въ Мирахъ ввели хлѣбныя карточки: выдавали хоть немного, а все-таки хлѣбъ, потомъ пошелъ овесъ, а за овсомъ яблоки. Но яблоковъ, не рай Божій, есть мѣра... Состоятельные люди улизнули въ Константинополь и добра, что подымешь, захватили съ собой. А среднимъ и бѣднотѣ — имъ бѣжать некуда. И когда послѣднія яблоки подѣли и принялись за дохлятину, стало въ Мирахъ опасно. Пробовали стращать, да голодь никакимъ страхомъ не возьмешь. И начался разбой среди бѣла дня. Префектъ сбѣжалъ. Одинъ архіепископъ — къ нему и потянулись руки и рты.



Плыли корабли съ хлѣбомъ изъ Александріи въ Константинополь — —

«Среди ночи, — рассказывалъ купецъ, — вижу, входитъ ко мнѣ въ каюту священникъ и приторговываетъ

у меня хлѣбъ. «Никакъ, невозможно, говорю, батюшка, везу не на продажу, въ казну налогъ». А онъ говоритъ: «Уступите хоть немного, безъ хлѣба народъ мучается, нельзя чтобы такъ человѣкъ мучился, дайте съ каждаго корабля по сто четвериковъ, вамъ не убудеть». — «А какъ хватятся, говорю, на провѣркѣ, я въ отвѣтъ!». — «Нѣтъ, говоритъ, мѣры вашей не убудеть, ужъ вы мнѣ повѣрьте!» Я и раздумываю: чего въ самомъ дѣлѣ, можетъ, какъ-нибудь и выкрутимся. И признаюсь, заломилъ большую цѣну. Онъ на все соглашается. «Такъ завтрашній день, говоритъ, мимо Миръ поѣдете, у пристани и остановитесь. И вотъ вамъ задатокъ». И кладетъ передо мной три золотыхъ монеты. Я со столика деньги сгребъ, зажалъ въ кулакѣ, хочу въ карманъ сунуть и слышу, кричатъ: «Сергѣй Иванычъ — Сергѣй Иванычъ!» — — Проснулся я и думаю, вотъ когда нельзя, такъ и во снѣ торговлю завелъ! Да потянувшись махнулъ рукой, а изъ меня на полъ деньги — по полу такъ и покапались. Зажегъ я свѣтъ: чудеса! — на полу три золотыхъ. Меня лихорадка забила. Выползъ я изъ каюты, разбудилъ нашего бухгалтера и говорю ему, какая исторія. А онъ говоритъ: «разъ задатокъ, дѣло вѣрное, а на счетъ прочаго уладимъ». И сейчасъ же послали къ капитану, чтобы обязательно остановился, какъ у Миръ будемъ. Всю ночь я на палубѣ просидѣлъ, чего-то страшно. Свѣтатъ стало. И какъ вѣхали въ Андриакскій портъ, а тамъ — народу, и такая публика, ну одни скелеты, и вижу, съ ними священникъ, — а это оказывается самъ архіепископъ. «Спасибо, — говоритъ, — хлѣбца намъ везете!» Глаза наши встрѣтились и у меня, знаете, руки задрожали. Снялъ я шапку: «Вашъ, говорю, задатокъ — вашъ товаръ». И со всѣхъ пяти кораблей ссыпали имъ по ста четвериковъ. Господи, какъ они обрадовались!».

Всѣ пять кораблей благополучно прибыли въ Константинополь и на провѣркѣ хлѣбъ оказался въ порядкѣ — весь грузъ по накладной въ казну сдали и благодарность получили за точность.

НАЛОГЪ

Въ жизни все такъ: одно свалишь и живи, ни о чемъ не думай, а глядь, ужъ другое напихивается. То забыль, какъ и не было, а новая напасть — она только и есть въ головѣ! — и какими судьбами, а спастись надо.

Только что стали поправляться послѣ голода, опять бѣда: по распоряженію изъ центра Мирская митрополія была обложена въ десять тысячъ талантовъ, а это, если перевести на нашъ счетъ, такъ на строчкѣ не помѣщается, а на кого падеть, тому дѣваться некуда.

Изъ Константинополя приѣхалъ въ Миры главный податной контролеръ Теофрастъ: ему, какъ царскому намѣстнику, дана была диктаторская власть по сбору налога.

Теофрастъ, крутой сиріецъ, наводившій страхъ не только на своихъ подчиненныхъ и ужъ, конечно, на податныя жертвы, но даже и на самого себя: отдастъ какое-нибудь экстренное распоряженіе и самъ испугается — такъ всегда оно бьетъ и безпощадно. И всѣ Теофраста пуще огня забоялись и думали по простотѣ, что отъ него все зависить, а въ дѣйствительности самъ онъ больше всѣхъ боялся, потому что, если не взыщетъ полностью налога, ему за всѣхъ попадетъ и прощай всѣ его старанія. И по мѣрѣ выколачиванія налога онъ не только не смягчался, а лютѣлъ: ему чтобы обязательно все до послѣдняго взять и не промахнуться — все, что подлежитъ обложенію, обложить и взыскать.

На площади противъ запустѣлаго храма Артемиды

поставленъ былъ тронъ подъ балдахиномъ не столько отъ солнца, сколько отъ мухъ, и на этотъ прохладный тронъ съ утра засядетъ Теофрастъ и распоряжается, а вокругъ секретари, помощники, агенты и дактило. Составъ служащихъ — мужской персоналъ — и одинъ звѣрѣе другого: если ты налогъ внесешь, тебѣ отвѣтять на твое привѣтствіе, если же ты проситель о сбавкѣ или рассрочить, только морду воротятъ. Самъ же Теофрастъ, если и отвѣтитъ на предложенный вопросъ, то говорилъ онъ на такомъ языкѣ, по гречески, конечно, но такъ, — ничего не понять, и только чувствуешь: пошелъ къ чорту!

Прежній обычай освѣдомленія и вызова плательщиковъ разсылкой желтыхъ извѣщеній и штрафныхъ зеленыхъ былъ отмѣненъ, какъ проволочка, а прямо рассылались синіе: въ трехдневный срокъ ты долженъ или заплатить налогъ или жди, придутъ описывать. А распредѣлялся налогъ, какъ всегда это бываетъ и всегда было, неравномѣрно и безтолково: люди состоятельные платили относительно гораздо меньше среднихъ, а средніе меньше бѣдняковъ. Приходилось придумывать всякіе извороты и пускаться на всѣ тяжкіе. Но я не думаю, чтобы кому-нибудь удалось что-нибудь утаить отъ Теофраста и увильнуть отъ платежа.

Со стономъ и скрежетомъ несли послѣднее на площадь, гдѣ съ утра до поздняго вечера сидѣлъ царскій намѣстникъ, главный контролеръ, диктаторъ Теофрастъ.

И вѣдь до чего дошло рвеніе и фискальный нюхъ, рыбака Симпева, страстнаго любителя рыбной ловли, не поймавшего за всю свою рыбацкую жизнь ни одной рыбишки, жившаго на волю Божью въ такой бѣдности, что бывало на Троицу, когда всѣ за обѣдней съ букетами стоятъ, въ рукахъ у него пучокъ травы, и этого самаго Симпева обложили. И какъ ни увѣряли добрые люди,

что Симпевъ только по страсти, а на самомъ дѣлѣ, фиктивный рыбакъ, все равно, за эту рыбацкую страсть заставили его внести какую-то долю таланта, что-то франковъ двадцать. А для рыбака двадцать франковъ — это куда больше, чѣмъ для милліонщика милліонъ. Какъ, какими судьбами, а рыбакъ внесъ — конечно, не безъ помощи архіепископа, такъ всѣ думали, но возможно, что отъ отчаянія просто стянулъ у кого на пристани.

Всѣмъ было ясно, что если такъ будетъ продолжаться, жизни никакой не будетъ: всякій день только и слышно, того ограбили, тамъ убили, а нищихъ развелось ни на какую стать и попадались съ протянутой рукой — милостыню собирали на уплату подоходнаго налога.

Купцы и промышленники жаловались, что обложениемъ затронутъ капиталъ и нѣтъ обороту, чиновники и служащіе говорили, что одѣться не во что, до дыръ износились, а бѣдные — жрать нечего.

Жаловались префекту, но префектъ самъ съ ногъ сбился: извольте — и пожары туши, и воровъ лови, и что онъ можетъ, разъ царскій намѣстникъ, въ рукахъ котораго вся власть и всѣ дѣла? Пошли къ архіепископу: нельзя ли какъ повліять на контролера? Но архіепископъ хорошо понимаетъ, что говорить съ Теофрастомъ безъ толку: Теофрастъ, конечно, пообѣщаетъ сдѣлать все, что можно, и ничего не сдѣлаетъ, да онъ и не можетъ сдѣлать — онъ исполняетъ царскій приказъ и только. Одинъ царь можетъ и, стало быть, одинъ есть выходъ: просить царя. Просятъ архіепископа проѣхать въ Константинополь и добиться свиданія съ царемъ. Архіепископъ согласился. Изготовили прошеніе и за подписаніемъ всего города вручили бумагу архіепископу.

— Ъхать въ дальній путь передать царю.

Въ канунъ Введенія вечеромъ пріѣхалъ архіепископъ въ Константинополь. И поспѣлъ ко всенощной къ празднику во Влахернскую церковь.

Влахернская церковь первая послѣ св. Софіи: чудотворная икона Божьей Матери — «Царица Свѣта», покровительница и защитница Византіи — «взбранной Воеводе», цѣлебный источникъ, истекающій изъ рукъ Богородицы, и мофорій — риза Богородицы.

За всенощной узнали архіепископа и на акафистъ онъ вышелъ съ епископами. «О всепѣтая мати, родшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово», — повторялись эти слова съ такой надеждой, что и самое неумиренное сердце на мгновеніе не могло не повѣрить, что все пройдетъ и будетъ опять хорошо, какъ прежде, или наступитъ такое, о чемъ нѣтъ больше мечты. А во время обѣдни, когда онъ возгласилъ «святая святыхъ», видѣли, какъ изъ его усть сверкнуло пламя.

Причастниковъ была полна церковь — всѣмъ хотѣлось принять дары отъ прославленнаго чудотворца. И было у всѣхъ одно чувство, не отъ человѣка причащались, причащаль ангелъ. Долго народъ не расходился. И молва неслась по городу.

И когда архіепископъ сказалъ, что хочетъ видѣть царя, ему не пришлось ждать — посланные отъ царя сами принесли ему въ церковь пропускъ.

**
*

Константину любопытно было взглянуть на архіепископа мирликійскаго, о которомъ столько наслышался онъ диковинныхъ рассказовъ, и былъ очень разочарованъ, увидѣвъ передъ собой обыкновеннаго священника, какого въ Константинополь встрѣтишь на каждомъ шагу, и совсѣмъ онъ не такой грозный, какимъ однажды явился ему во снѣ.

Быль солнечный день — широкіе лучи входили въ окно. И отъ этого наряднаго свѣта еще обыкновеннѣе, сѣрѣе выглядѣлъ архіепископъ.

Архіепископъ поздоровался съ царемъ. И на вопросъ царя, что привело его въ Константинополь, отвѣтилъ «горе» и полѣзъ въ карманъ за прошеніемъ. Мѣшалъ плащъ и, чтобы не задерживать, онъ сбросилъ съ себя плащъ и, не видя куда положить, къ великому изумленію царя, повѣсилъ на солнечный лучъ — и плащъ повисъ, какъ на гвоздикѣ.

— Горе, — повторилъ архіепископъ, — ты защитникъ и покровитель народовъ, живущихъ въ твоемъ государствѣ, неужели моя родина исключеніе?

И подавая бумагу, подписанную всѣмъ городомъ, сталъ рассказывать о несправедливомъ налогѣ и какъ люди дошли до отчаянія, и рыбака Симпева помянулъ, не поймавшего за всю свою жизнь ни одной рыбы, а только за свою рыбацкую страсть обложеннаго Теофрастомъ, и о Теофрастѣ, который и самъ не радъ, что принялъ такое отвѣтственное непосильное человѣку дѣло: на законномъ основаніи, именемъ царя обирать народъ.

Царь слушалъ со страхомъ, смотря не на архіепископа, а на его плащъ: плащъ качался въ воздухѣ и не падалъ. И когда архіепископъ кончилъ, царь, подозвавъ главнаго нотаріуса, велѣлъ ему принести золотой царскій бланкъ.

— Сколько же по вашему слѣдуетъ назначить на Миры?

— Какъ вдохновить Господь, такъ и сдѣлай! — сказалъ архіепископъ.

И когда нотаріусъ принесъ бланкъ, царь велѣлъ ему записать налогъ въ тысячу талантовъ на Миры Ликійскія. И, подписавъ, передалъ ордеръ архіепископу.

Архіепископъ вышелъ отъ царя, но не во Влахерн-

скую церковь, гдѣ его ждали къ вечернѣ, а пошелъ онъ на берегъ моря: тамъ изъ тростника онъ вырѣзалъ трубочку, запихалъ въ нее ордеръ и, благословивъ, бросилъ въ море — плыть въ Миры доброю вѣстью.



Рыбакъ Симпевъ, какъ всегда, сидѣлъ на берегу съ удочкой. Всѣ рыбы его знали, рыбы плавали вокругъ поплавка, великолѣпно соображая, что поплавокъ Симпева, и, хоть съ закрытыми глазами плыви, на крючокъ не заскочишь. Симпевъ тоже зналъ всѣхъ рыбъ поименно и, глядя на море, ничего не думалъ, слѣдилъ за волной, какъ идетъ она, вхлываетъ въ берегъ и назадъ катится.

И вдругъ въ первый разъ въ жизни дернуло — не хотѣлъ вѣрить, на себя подумалъ, что нечаянно какъ — но поплавокъ такъ заплясалъ, и удочку потянуло въ море, а за удочкой и его самого. Откачнувшись, уперся онъ ногой въ камень, какъ это видѣлъ онъ, дѣлаютъ заправскіе рыбаки, и высоко взбросилъ удочку. И въ первый разъ, но только это не рыба, за крючокъ зацѣпилось — сразу и не разобрать — что-то длинное зеленое — или необыкновенный ракъ? — и не ракъ, а просто тростникъ.

Снялъ Симпевъ тростникъ съ крючка и въ ведро, какъ рыбу, бросилъ и съ добычей гордо пошелъ къ себѣ въ землянку.

А по дорогѣ ребятишки сѣгутъ, кричатъ:

— Симпевъ рыбу поймалъ! Покажи, Симпевъ рыбу!

Отказать невозможно, остановился Симпевъ, поставилъ ведро, окужили его ребятишки — и какъ въ руки-то взялъ и всѣ пальцами стали тыкать — кто говоритъ: «неправдашный ракъ», кто «змѣй»! — изъ тро-

стника углышекъ бумажки и показался: потянулъ Симпевъ и видитъ, бумага не простая, царская съ золотыми орлами. И опять ее въ трубочку запихалъ да въ ведерко и побѣжалъ къ префекту.

И до самой префектуры бѣжали за нимъ ребяташки:

— Симпевъ рыбу поймалъ! Покажи, Симпевъ, рыбу!

По случаю праздника въ префектурѣ приѣма не было. Но когда Симпевъ вынулъ изъ ведерка тростникъ и объяснилъ дежурному, что по его соображенію въ немъ находится, вышелъ самъ префектъ и изъ трубочки царскій ордеръ вынулъ. А прочитавъ, забылъ и о Симпевѣ, побѣжалъ на площадь къ Теофрасту.

Теофрастъ, ознакомившись съ бумагой, испугался, и не захотѣлъ брать — «бумага подложная!». Послали за Симпевомъ, который сидѣлъ въ префектурѣ задержанный, и когда ажаны привели рыбака и онъ рассказалъ, какъ на удочку ему попался тростникъ, и какъ по кончику узналъ онъ, что это бумага не простая, царская и сейчасъ же побѣжалъ къ префекту, Теофрастъ велѣлъ составить протоколъ и, зарегистрировавъ бумагу, положилъ ее вмѣстѣ съ тростникомъ къ себѣ въ портфель.

И почувствовалъ диктаторъ, что конецъ его мытарствамъ, и за сколько мѣсяцевъ въ неуручный часъ поднялся съ трона и пошелъ со своими секретарями въ бассейнъ купаться.

И сразу всѣ догадались, что въ царской грамотѣ что-нибудь о налогѣ — что это архіепископъ льготу выхлопоталъ: иначе съ чего бы Теофрасту раскупываться и даже безъ лентія, по нашему — безъ трусиковъ.

И такое благодушіе напало на всѣхъ — къ удивленію префекта, несмотря на большой праздникъ, въ

этотъ вечеръ не совершенно ни одного убійства и нигдѣ не горитъ.

**
*

Третій день живетъ архіепископъ въ Константинополѣ. Полюбилась ему Влахернская церковь. Всякій день служитъ и съ каждымъ днемъ все больше народу: всѣ хотятъ получить благословеніе отъ мирликійскаго чудотворца.

На третій день къ концу обѣдни пришли звать архіепископа къ царю.

Тамъ скандалъ: министры говорятъ царю: «Поми-луйте, что вы надѣлали, Мирликійская метрополія самая доходная, и такъ неизвѣстно, откуда взять денегъ!» — и подговариваютъ царя подъ благовиднымъ предло-гомъ аннулировать указъ, и если сдѣлать льготу, ну сбросить тысячу, но никакъ не больше. Царь и самъ по-нимаетъ: онъ тогда очень растерялся, ничего не сооб-ражалъ! — конечно, надо же откуда нибудь достать деньги. Царь чувствовалъ себя виноватымъ, но былъ увѣренъ, что къ архіепископу онъ сумѣетъ подѣхать: бумагу востребуетъ и дѣло поправитъ.

И когда пришелъ архіепископъ, царь его усадилъ рядомъ съ собой, проситъ вернуть указъ: онъ сдѣлаетъ кое-какія измѣненія.

— Пустая формальность.

— Но это никакъ невозможно: третій день указъ на-ходится въ Мирахъ.

— Какъ третій день? — три дня, какъ я его подпи-саль!

— Провѣрьте.

Царь велѣлъ соединить себя по прямому проводу съ Θεофрастомъ. Слышно, какъ царь спрашиваетъ: «въ какой день и часъ?» Царь очень взволнованъ: «третій

день! удивительно!» Теофрасть сообщает подробности. Царь переспрашивает: «Симпевъ? какого чина?». Теофрасть рассказывает о рыбацѣ. Царь: «никогда въ жизни ни одной рыбы?». И послѣ объясненія Теофраста: «тростникъ сожралъ червя, чудацкѣ!» — вѣшаетъ трубку.

Архіепископъ во время разговора стоитъ: надъ его головой сіяетъ вѣнецъ.

По знаку царя входятъ министры — увидя архіепископа, какъ остоленѣли.

— Пусть будетъ такъ, какъ я написалъ! — говоритъ царь и, обратясь къ архіепископу, проситъ благословить его, городъ и весь народъ.

И, благословивъ царя и весь его дворъ, архіепископъ, сопутствуемый народомъ, вернулся во Влахернскую церковь. И послѣ всеобщей въ ночь покинулъ Константинополь.

А въ Мирахъ, несмотря на поздній часъ, вся площадь была запружена народомъ — это очередь за полученіемъ разницы переплатившихъ налогъ. И съ удочкой стоялъ въ хвостѣ Симпевъ и въ который разъ, самый изъ всѣхъ счастливый, рассказывалъ, какъ въ первый разъ въ жизни онъ поймалъ рыбу, — непростую, тростникъ.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

«Удивительно до какихъ гигантскихъ размѣровъ доходитъ часто наша досужая фантазія: на дняхъ у Хелидонскихъ острововъ въ Средиземномъ морѣ случился изъ ряда выходящій случай...»

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе этого случая: кораблекрушеніе у Хелидонскихъ острововъ между Ликіей и Памфіліей въ опаснѣйшемъ пунктѣ, упоминаемомъ Лукіаномъ въ его «Кораблѣ».

Матросы, застигнутые ночью бурей, и не зная, что дѣлать, впали въ отчаяніе. Кому-то пришла въ голову мысль, наслышавшись чудесныхъ разсказовъ о мирликійскомъ чудотворцѣ, обратиться къ нему за помощью, и началъ отчаянно вопить, выкликая его по имени. Вопль заразителенъ, подхватили товарищи. И вдругъ видятъ: изъ заливающей волны выходитъ старикъ въ архіерейской одеждѣ, онъ говоритъ имъ, что явился на ихъ зовъ, и ободряя, проходитъ на корабль. Мгновенно буря затихла и видѣніе скрылось. Корабль, благополучно обогнувъ острова, на утро прибылъ въ Мирскій портъ.

Про это всѣ читали въ газетахъ.

**
*

Утромъ, на улицахъ въ Мирахъ замѣтили группу матросовъ. Видъ у нихъ былъ чрезвычайно дикій: растерзанные съ блуждающими глазами не то пьяные, не то безумные. Ихъ сторонились. Но тѣ, съ кѣмъ они всту-

пали въ разговоръ, увѣряли, что они были только необыкновенно взволнованы. И на разспросы отвѣчали кратко: «чуть не погибли», сами же спрашивали одно: какъ имъ повидать архіепископа, съ которымъ необходимо лично переговорить.

Архіепископъ былъ у ранней обѣдни, ужъ звонили къ «Достойно» и имъ посовѣтовали итти въ Соборъ. Матросы поспѣшили къ Собору, но не вошли въ церковь, а стали у дверей въ оградѣ.

Обѣдня кончалась, пищали дѣти - причастники, медленно выходили изъ церкви. И при видѣ такой банды шарахались, не зная, что и думать. А когда показался архіепископъ, матросы, какъ одинъ, упали ему въ ноги. И, поднявшись, тотъ, выкрикнувшій первый имя чудотворца, разсказаль о кораблекрушеніи и благодариль за всѣхъ:

— Спасъ отъ смерти!

— Вы спаслись отъ смерти, — сказаль архіепископъ и, взглянувъ пристально: — но есть гибель страшнѣе, это духовная смерть: исправьте же ваши сердца и очистите помыслы! — и обратясь къ народу и ко всѣмъ, съ любопытствомъ смотрѣвшимъ на этихъ помѣшанныхъ матросовъ: — если не станете, какъ дѣти, не войдете въ царство духа!

УДАРЕНІЕ

Память Никейскаго собора: Символь вѣры — «Вѣрую» передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, заучивается до всякихъ уроковъ Закона Божьяго и потомъ повторяется автоматически, какъ «Отче нашъ», «Троица» и «Богородица». И еще осталось два имени: Арій и Николай — Арій, признавая Христа совершеннѣйшимъ человекомъ, отвергалъ Его божественность, и Николай, утвердившій Христа нераздѣлимо въ св. Троицѣ. А про отцовъ собора, которые тамъ орудовали и составляли дѣянія, никогда ничего не говорится, словно бы ихъ и не было, а знаютъ одни спецы, да и тѣ спорятъ.



Въ правовѣрной Ликіи, которой не коснулась ересь, главный интересъ не къ «Символу вѣры», а къ «дѣйствию съ Аріемъ»: было ли на самомъ дѣлѣ «удареніе» или это для наглядности пущено — «изъ ревности къ вѣрѣ святитель Арія по щекѣ хлопнулъ»?

«Полоумный» чтець Кузьма изъ Каркавы, не вдаваясь ни въ какія разсужденія и догадки — вѣдь появлялись и такіе фрукты, которые увѣряли, что святителя и на соборѣ-то не было, не присутствовалъ! — Кузьма ссылался на Андрея Критскаго, на то мѣсто изъ его Слова, которое послужило основаніемъ для разсказовъ объ оплеухѣ:

— «Рѣшительной рукой схвативъ мечъ вѣры, — гро-

могласно читаль Кузьма, — онъ нанесъ Арію ударъ, до корня вырвавъ его изъ сообщества Савеллія».

Какія же еще разсужденія и догадки: ясно, не оплеуха, а «мечъ вѣры».

Но противъ Кузьмы выступилъ небезызвѣстный Урсъ изъ Патары, перемѣнившій профессію «информатора» на обезьянщика: онъ былъ въ то время со своей Зузу въ Никеѣ и все видѣлъ собственными глазами. Урсъ, какъ очевидецъ, разсказывалъ съ такими подробностями, нельзя было не повѣрить, и отъ Кузьмы понемногу отходили.

И ужъ не находя слушателей, Кузьма въ одиночку рѣшительно взывалъ, повторяя изъ Слова:

— «Рѣшительной рукой схвативъ мечъ вѣры, онъ нанесъ Арію ударъ, до корня вырвавъ его изъ сообщества Савеллія!».

— На святителѣ помѣшался! — говорили благочестивые люди, отходя отъ Кузьмы подальше: не ровень часть — звѣздонеть!

Урсъ же появлялся всюду и всѣ его слушали. Сначала онъ свою Зузу пустить:

Il grimpe la nuit,
il grimpe le jou(r)
voici le petit singe
Zou - Zou.

покрутится обезьянка, повертится, лапочкой сдѣлаетъ привѣтствіе, вспрыгнетъ на плечо хозяина, пройдетъ раскорякой и засядетъ на плечѣ, умная, сидитъ, смотритъ. Тутъ начинается урсова никейская повѣсть.

И ужъ около Урса завязывался споръ.

Такіе, какъ «самоубійца» Зинонъ изъ Каstellя, которому теперь принадлежали всѣ кастелльскіе виноградники, именно за этотъ поступокъ и уважали святи-

теля: въ оплеухѣ они видѣли похвальный волевой актъ — «правило вѣры» — примѣръ непримиримости и активной борьбы:

— Святитель безо всякихъ просто треснулъ мерзавца!

Другіе же, какъ пастухъ Павелъ изъ Кробы, «обтѣненный демономъ», приняли эту оплеуху, какъ фактъ осудительный, какъ выраженіе очень человѣческаго, свойственнаго простому человѣку: «святитель погорячился».

— Святитель, — говоритъ Павелъ, — дерзнулъ рукою на Арія безумнаго: святителямъ не подобаеъ рукою дерзку быть: въ законѣ пишется: не убій! — а онъ убилъ рукою Арія треклятаго.

Но какъ тѣ, что шли за Зиномомъ, такъ и его противники, шедшіе за Павломъ, въ одномъ сходились, — это на послѣдствіи оплеухи: «святителя посадили въ тюрьму и разжаловали!». И это несчастье дѣлало его еще популярнѣе и еще ближе человѣческому сердцу.

Il grimpe la nuit,
il grimpe le jou(r)
voici le petit singe
Zou - Zou.

слышался голосъ Урса на другомъ концѣ и тамъ собирается толпа.

И послѣ обезьянихъ всякихъ продѣлокъ Урсъ начинаетъ никейскую повѣсть.

— Движимый божественной ревностью, — рассказывалъ Урсъ, — поднялся онъ и далъ такую затрещину Арію, отъ которой тотъ весь содрогнулся. И за это сорвали съ него омофоръ и, какъ нарушителя закона — «ударилъ въ присутствіи царя!» — вывели. И бивъ, бродили въ темницу!

Но этого мало, по словамъ Урса — видѣль собственными глазами — ариане съ зажженными свѣчами ворвались въ тюрьму и святителю спалили бороду.

— — — — —

Избитый съ выжженной бородой очнулся Николай въ темной крысиной камерѣ старинной башни. Онъ не чувствовалъ боли ни отъ ударовъ, ни отъ ожоговъ, только на сердцѣ саднило: Арій неотступно стоялъ и въ его умныхъ пытливыхъ глазахъ свѣтилась гордость и сожалѣніе: «я — человѣкъ!».

«Какъ же онъ теперь вернется и чему научить?». «Человѣкъ есть храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ немъ!», — какъ же это — храмъ и...?».

И онъ утерся рукой, какъ крыса, ошпаренная кипяткомъ, какъ человѣкъ, на котораго плюнули, какъ человѣкъ, на котораго — которому отъ себя уйти некуда. Онъ утерся рукой, боясь раскрыть глаза, пронизанный насквозь непомятой жалостью:

«Господи, что я надѣлалъ!».

— — —

И вдругъ тихій голубь - свѣтъ озарилъ камеру. И изъ голуби - свѣта, онъ видитъ, Христось и Богородица.

И Христось — и судія и благостный — спросилъ его:

«Николай, почему ты заключень?».

И Николай отвѣтилъ Христу:

«Изъ за великой любви къ Тебѣ».

И говоритъ ему Христось:

«Возьми сіе!».

И далъ ему евангеліе.

А Богородица дала ему святительскій омофоръ.

— — —

Урсъ и еще разсказываль, но ужъ это со словъ венеціанца Петра Наталибуса, самъ онъ не видѣлъ.

«На утро по повелѣнію императора Константина, Николай былъ освобожденъ изъ тюрьмы и когда простымъ священникомъ безъ митры и паллія онъ служилъ мессу Богородицѣ, вотъ на глазахъ у всѣхъ приблизились къ нему два ангела, и одинъ возвратилъ ему митру, другой — паллій».

— А къ концу обѣдни, — добавлялъ отъ себя Урсъ, — борода внезапно опять вся выросла чудеснымъ образомъ.

И когда вышелъ онъ изъ церкви, отслуживъ обѣдню, народъ послѣдовалъ за нимъ. Далеко за заставу провожали его. И, благословивъ, онъ пошелъ по дорогѣ одинъ съ посохомъ — странникъ.

Два дня шель, но не въ Миры, другою дорогой. Подойдя къ Хонэ — въ Хонэ большая святыня храмъ архангела Михаила и всегда много паломниковъ — видитъ, на берегу народъ: чего-то ждуть. Подошелъ поближе. А ему говорятъ:

«Переправы, дѣдушка, нѣтъ: рѣка разлилась, очень бурная».

«Пропустите, — говоритъ, — хоть посмотрѣть».

«Да ты и близко не подойдешь: съ ногъ собьешь».

И все-таки дали старику дорогу — все равно, не за хлѣбомъ очередь.

А онъ подошелъ къ самому берегу и, ознаменовавъ рѣку, поднялъ посохъ и трижды ударилъ по волнѣ — — какъ голуби, воркуя, разбѣжались волны: однѣ по, другія противъ — и открылось дно.

На днѣ бурно текла вода, а по сторонамъ двѣ стѣны: зеленое стекло.

И онъ первый ступилъ на дно, — а за нимъ народъ.

И когда всѣ перешли на другой берегъ, онъ, снова ознаменовавъ, трижды ударилъ посохомъ:

«Плыви, рѣка какъ тебѣ положено»!

И стѣны съ шумомъ растаяли и рѣка пошла.

И весь народъ — всѣ видѣли! — войдя въ храмъ архангела, прославили Архангела, силою котораго странникъ «раздѣлилъ» воду.

БЕЗПРИЗОРНЫЕ

Въ жаркое лѣто, какое бываетъ только здѣсь, улицы вечерами густѣютъ, — всѣ разѣхались, кто на море, кто въ горы, но, конечно, еще больше просто прячутся послѣ знойнаго дня въ какой-нибудь запыленный, продушенный автомобилемъ садъ или у воротъ толчется. Развлеченія всегда бѣднѣе и музыка что полегче. Послѣ заката особенно тяжелый воздухъ, точно вездѣ одна пекарня и липкія руки.

Архіепископъ, незадолго до своей смерти, пріѣхалъ побывать въ родной городъ.

Вечеромъ — такой вотъ послѣ зноя! — шелъ онъ по набережной къ Нотрѣ-Дамъ. У моста передъ нимъ — неизвѣстно куда двое дѣтей, и какъ они шли и глядѣли, видно было, бродячіе и домъ ихъ — хорошо еще лѣто — подъ мостомъ.

Архіепископъ догналъ ихъ: это были совсѣмъ маленькіе, братъ и сестра, ничего толкомъ не понимаютъ. Изъ распросовъ выяснилось: ни отца, ни матери — «отца вообще у нихъ никогда не было», а мать померла.

— Кто же ваша мама?

— Крокодиль, — отвѣтили оба.

И это «крокодиль» совсѣмъ сурьезно, не въ смѣхъ, а чего-то путали: или это прозвище матери?

— Крокодиль!

Дичились, но понемногу привыкли: болтали на перебой и о себѣ и о сосѣдяхъ словами улицы, гдѣ когда-то жили, непонятными въ сосѣднемъ кварталѣ.

Такъ дошли до Нотрѣ-Дамъ, не отставая.

Архіепископъ вошелъ въ соборъ и твердо по каменнымъ плитамъ къ каменной статуѣ Богоматери — и дѣти за нимъ — —

Въ соборѣ никого не было, только Моретто-да-Брешиа, художникъ изъ Ломбардіи — иностранцамъ-туристамъ, имъ и зной ни по чемъ, всякое лѣто ѣдутъ, не здѣшніе! — художникъ зашелъ въ соборъ взглянуть.

«— и я вижу, — рассказывалъ Моретто, — одной рукой взялъ онъ за плечо дѣтей, а другой такъ — какъ омофоръ — къ Богородицѣ, и глаза его были полны мольбы, скорбной — куда они дѣнутся? кто защититъ? вѣдь жизнь такая суровая, безпризорно! прожилъ онъ жизнь — сколько было! — и теперь возвращаетъ омофоръ Богородицѣ — — И я видѣлъ, какъ Богородица протянула руку: показывала ли она Младенцу на этихъ вдругъ засмирѣвшихъ брата и сестру или имъ: «никогда я васъ не оставлю!» И крупныя слезы задрожали въ мудрыхъ и скорбныхъ глазахъ архіепископа — —»

МЕЧЬ ВЪРЫ

Черезъ семьсотъ лѣтъ послѣ смерти, когда имя Николая призывалось на всѣхъ концахъ земли — Богородица и Никола, вотъ первыя имена! — много чего совершилось на бѣломъ свѣтѣ, а отъ Миръ ликійскихъ однѣ развалины и самое имя Миры живетъ лишь въ имени чудотворца.



Въ царствованіи Алексѣя Комнена архіепископу барійскому Урсу было видѣніе: явился Николай - чудотворецъ и объявилъ, что избираетъ себѣ другое мѣсто успокоенія: не Миры, а у Гарганской горы архангела Михаила городъ Бари. Урсъ поѣхалъ въ Римъ и тамъ открылся папѣ и папа Урбанъ благословилъ перенести мощи изъ Миръ ликійскихъ въ Бари.

Три корабля, нагруженные пшеницей, вышли изъ Бари въ Антіохію.

На корабляхъ было семьдесятъ два человѣка. Но это были вовсе не купцы и Антіохія совсѣмъ не причемъ: моряки — барійскіе матросы. И во главѣ священникъ Лупъ, а пламеннымъ вдохновителемъ былъ шестнадцатилѣтній юноша — русскій изъ Переяславля — Матвѣй: онъ первый поклялся, а за нимъ и всѣ —

«Безъ мощей чудотворца они не вернуться въ Бари!».

Въ Антіохіи моряки узнали, что прибыли венеціанскіе корабли и на корабляхъ не настоящіе купцы и затѣя та же: хотятъ взять мощи и изъ Миръ перевезти на

Лидо въ Венецію, — ничѣмъ не торгуютъ, а ходятъ по лавкамъ, присматриваютъ всякіе инструменты. И еще узнали — сами венеціанцы проболтались, — что въ Мирахъ полный разгромъ и всѣ жители убѣжали въ горы, а въ Сіонскомъ монастырѣ осталось четыре монаха.

Распродавъ хлѣбъ и закупивъ товару, — что ни попало, барійцы отплыли изъ Антиохіи и остановились въ Андриаки. Въ Антиохіи они прихватили съ собой двухъ іерусалимскихъ паломниковъ — грека и француза, этихъ то безобидныхъ «иностранцевъ» снарядили въ Миры на развѣдку — и тѣ подтверждаютъ, что такъ все и есть, какъ сказывали въ Антиохіи венеціанцы.

И тогда сорокъ семь съ оружіемъ сошли съ кораблей.

Какъ по пустыньѣ шли они по городу — камень на камнѣ. И монастырь разрушенъ, только церковь.

На стукъ шаговъ выползли четыре старика-монаха: обрадовались — давно никто не бывалъ на поклоненіи, запустѣла дорога, не несутъ и жертву! — и повели въ церковь.

Въ церкви у мраморной плиты сдѣлано было отверстіе, черезъ это отверстіе на кисточки монахи собирали муровую влагу и паломники разносили во всѣ концы земли — «муро сть гроба Николая-чудотворца».

Лупъ разспрашивалъ монаховъ, точно ли, гдѣ отверстіе, покоится тѣло или въ другомъ мѣстѣ? И изъ разспросовъ монахи поняли, что дѣло неладно и, прямо не говоря, стали рассказывать всякіе случаи — помянули и императора Василія, который задумалъ перенести гробъ чудотворца въ Константинополь:

— Поднять подняли, а никакими силами не могли вынести за двери. Угодникъ не попуститъ!

Лупъ сказалъ:

— Мы пришли исполнить волю угодника.

И рассказалъ о видѣніи барійскому архіепископу Урсу. А чтобъ миромъ кончить, предложилъ по сто солидовъ отъ корабля.

Монахи къ дверямъ — и! какъ мыши. Но оставшіеся караулить за дверями всѣхъ переловили и связанныхъ привели назадъ въ церковь.

На колонну поставленъ былъ пузырекъ съ муромъ, отъ стука пузырекъ упалъ, и, къ удивленію, цѣль — не разбился! И въ этомъ увидѣли знаменіе:

— Воля чудотворца непреклонна!

Матвѣй съ револьверомъ бросился на монаха: или убьетъ или пусть тотъ скажетъ, гдѣ мощи?

— Тамъ, гдѣ муро! — сказалъ монахъ.

Тогда Матвѣй взялъ ломъ и ударилъ по мраморной плитѣ. И ударъ былъ такъ крѣпокъ — одни мелкіе куски, а подъ ними земля. Начали рыть — и показалось: бѣлый саркофагъ. Откопали до половины. Матвѣй опять за ломъ и по крышкѣ — и вдругъ благоуханіе наполнило церковь и тамъ, въ Андріаки на корабляхъ, по вечернему вѣтру донеслось на корабли: такая была сила мвра.

Въ мврѣ плавали кости. Одну за другой вылавливалъ Матвѣй и подавалъ Лупу. Такъ всѣ были собраны до послѣдней, не хватало лишь головы. И Матвѣй вскочилъ въ саркофагъ и, выловивъ, высоко поднялъ ее надъ головой.

Теперь все было. Завернули въ полотно и въ боченокъ.

Хотѣли еще взять чудотворную икону, но пришлось отступить: икона никакъ не снималась.

Освободили монаховъ, Лупъ поднялъ боченокъ на плечи и сорокъ семь вышли изъ церкви и той же дорогой на пристань.

Подъ предводительствомъ Іоанна Виталія, сына венеціанскаго дожа Михаила, во главѣ съ ректоромъ-епископомъ Генрихомъ, венеціанскій флотъ вышелъ на завоеваніе Святой Земли.

Рвеніе ихъ было такъ велико, они возжглись такимъ жаромъ, что раскаленнымъ желѣзомъ дѣлали себѣ знаменіе креста на тѣлѣ — крестоносцы.

Перезимовавъ на Родосѣ, они подошли къ Андріаки и отправились въ Миры.

Миры лежали пустыней и въ Сіонскомъ монастырѣ встрѣтили ихъ четыре монаха. Монахи подвели ихъ къ разрушенному саркофагу:

— Десять лѣтъ, — сказали они, — приходили барійцы, взяли часть. Берите остальное.

Но въ саркофагѣ, кромѣ воды и масла ничего. Монахи обманывали! И тогда ломами стали разбивать плиты и крушить стѣны — трудились день и ночь.

Одинъ монахъ подъ пыткой сказалъ, что въ придѣлѣ Іоанна Предтечи подъ престоломъ гробница: лежитъ Николай Акализосъ, дядя мирликійскаго, и съ нимъ — монахъ хотѣлъ сказать Артемій — отъ боли выкрикнулъ Феодоръ.

Повернули престоль — и подъ нимъ есть: стоитъ саркофагъ. А какъ разбили, видятъ: три кипарисныхъ гроба — въ двухъ кости, а третій — пустой.

Другой монахъ показалъ подъ пыткой: онъ ничего не знаетъ, онъ только замѣтилъ, что на Николинъ день служатъ не въ алтарѣ, а подъ чудотворной иконой. И это навело на мысль: поднять помость подъ иконой.

Вся церковь была завалена разбитыми кусками — пришлось расчищать. И когда подъ иконой освободили мѣсто и подняли плиту, сразу ощутили благоуханіе.

Копали — и это было очень трудно: подъ слоємъ земли оказалась стеклянная крѣпкая масса, а подъ стек-

ломъ открылся пластъ изъ смолистаго вещества, а еще глубже смоленый кипарись.

И когда подняли кипарисовую крышку — тамъ кости: на головѣ епископскій куколь, въ рукѣ пальмовая зеленая вѣтка и на стѣнкѣ царская печать и высѣчена надпись:

— Здѣсь покоится Великій Николай —
славный чудесами
на землѣ и на морѣ

Три кипарисныхъ гроба вынесли крестоносцы изъ церкви и по пустынной дорогѣ къ своимъ кораблямъ.

—————

А только что отплыли венеціанцы, жалуютъ въ Меры генуэзцы.

Пустыня ихъ встрѣчаетъ. И говорятъ монахи — четыре монаха:

— Простите, вы опоздали!

И правда: камень на камнѣ — ничего!

И поплыли домой генуэзцы, прихватя, что подъ-руку попало: песокъ, камушки и верескъ — чудотворные! — отъ гроба Мирликійскаго чудотворца.

**
*

А когда тѣло его въ муровомъ гробѣ плыло по морю, свѣтя и освящая море — три черныхъ барійскихъ корабля и три голубыхъ венеціаскихъ увозили его на западъ въ латинскія земли, духомъ онъ поднялся надъ землей и крылатый архангеловъ свѣтъ распахнулъ ему путь въ Господнюю высь.

И поднявшись высоко надъ землей, благословилъ ее — она, какъ темная вода, текла, поблескивая, благословилъ ее — ея томную долю, которую нельзя такъ покинуть.

И благословивъ, спустился на землю.

Онъ шель на сѣверъ — и свѣтъ архангела крылилъ за нимъ.

Бурная ночь. Когтями вцѣплялось море. Перевертывало корабли: заговорила нѣмая — потопить! Покинутые просили о помощи — пощади! И къ свѣту тихо — все успокоилось. Какая-то птичка — съ волны порхнула на руль и съ руля на муровый гробъ, и все перелетала - переговаривала: просила ли чего или славу славилла?

По камушкамъ апостола Андрея, пройдя «мрачную» Киммерію, онъ вышелъ на Русь.

Въ дружинѣ игумена Даниіла, какъ возвращались со Святой Земли домой, какъ не помянуть: догналъ насъ по дорогѣ старичокъ одинъ — сѣденькій въ лапоткахъ съ посохомъ. Дорога трудная — и погода замаяла и половецкіе волки по степи рыщутъ, думали, и до-дому не добратъся, а онъ, бывало, въ дождь борода мокрая, усы мокрые, а самъ чего-нибудь слаживаеетъ, огонекъ ли разводитъ, сумку ли чинитъ, только такъ ртомъ сдѣлаеетъ — воду съ усовъ: «Ничего, — скажетъ, — други, Богъ милостивъ, добредемъ!». И такъ это скажетъ — и опять всѣмъ станетъ увѣренно и тяжесть съ плечъ:

«Никола — милостивый!»

И о ту пору монахъ Морисъ, ирландецъ, братства св. Петра, ѣхалъ изъ Кіева отъ князя Святополка съ дарами въ Регенсбургъ -- строить церковь св. Іакова, русская жертва! И нагоняетъ его какой то въ лѣсу. Пожалѣлъ монахъ странника, посадилъ на подводѣ -- на подводѣ сложены были дорогіе мѣха. Ночь, ѣхать опасно — спасибо доброму человѣку, вотъ и не страшно. Разговорились. Въ Варанжевилъ спѣшитъ странникъ: несчастье — крокмитѣнъ - отельщикъ заманилъ трехъ

ребятишекъ, зарѣзалъ и кусками, посоля, сложилъ въ кадушку — «семь лѣтъ прошло... надо помочь». И когда странникъ сказалъ: «поможетъ» — и что загубленныя дѣти опять будутъ жить на землѣ, весенній животворящій свѣтъ озарилъ его. И монахъ видитъ — молодой епископъ! — и этотъ свѣтъ отъ доброты и милосердія его словъ.

Такимъ знали въ Фарроа, Патарѣ и Мирахъ, такимъ стоитъ онъ въ Шартрскомъ соборѣ весь въ свѣтѣ милосердія изъ согрѣтой добротой души въ просящую помощи озябшую душу —

«Saint Nicolas évêque de Myre!»

А въ весенней ночи подъ гуль океана тринадцать всадниковъ, свѣтя звѣздой, выблискивали изъ мрака — король Артуръ и рыцари: имъ путь черезъ Шартръ на Модену къ Гарганской горѣ архангела въ Бари.

МИЛОСТИВЫЙ

Шелъ Христось съ Николою.

Много прошли они селъ, городовъ — много видѣли бѣды на землѣ.

А тамъ, по раздолью — полямъ весеннимъ такіе цвѣты цвѣли —
красовали Божій міръ.



Шелъ Христось съ Николою по нашей землѣ.

Изъ дома въ домъ заходили странники.

И не мало труда поднялъ Никола — всякому поможетъ, никому не отказывалъ! — и оборвался весь, нищъ..

Нищими странниками постучались они въ избу на ночлегъ.

Тѣсно въ убогой избѣ.

Жила въ ней солдатка съ ребятишками, и хлѣба у нихъ не было, была краюшка одна да съ горстку муки, а въ хозяйствѣ корова-бѣлуха да и та безъ молока.

— У меня и покормить-то васъ нечѣмъ, и молока нѣтъ, все жду, вотъ отелится бѣлуха.

— Не кручинься, — сказалъ Христось, — всѣ будемъ сыты.

Сѣли за столъ.

Подала хозяйка послѣднюю краюшку —
и одна краюшка всѣхъ насытила.

— Вотъ, ты говорила, нечѣмъ будетъ накормить, гляди-ка, всѣ сыты, да еще и осталось!

Радовался Никола больше матери и ребятишекъ сытыхъ.

Уложила мать ребятишекъ.

Улеглись и странники.

А сама пошла въ закомъ:

не соберетъ ли муки на блины — угостить поутру странниковъ?

И откуда что взялось:

было съ горстку въ ларѣ,
а тутъ этакую махотку принесла!

Сдѣлала она растворъ. И на утро испекла блиновъ.

— Вотъ видишь, и мука есть! — радовался Никола.

А ужъ какъ ребятишки-то блинамъ рады.

Попрощались странники и пошли себѣ дальше въ путь.



Шель Христось съ Николою.

Шли они зелеными — молодымъ полемъ зеленымъ —

какъ хорошо на землѣ въ Божьемъ мирѣ!

Гадалъ Никола о урожаѣ.

Уморились странники и задумали передохнуть малость.

А стояло у дороги большое хозяйство, тамъ же и мельница.

Они на мельницу.

Увидалъ хозяинъ, видитъ, побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги! стащутъ еще чего! — ворчалъ въ догонку, грозилъ собаками.

Такъ и пошли.

Такъ и пошли, куда повела дорога.



Шелъ Христось съ Николагоу по нашей землѣ.

Къ вечеру привела ихъ дорога въ лѣсъ.

На лѣсной полянѣ прилегли странники —

и ночь со звѣздами, такими колыбельными,
покрыла ихъ.

По звѣздамъ — отъ звѣзды къ звѣздѣ — гадалъ Никола о нашей землѣ, думалъ думу невеселую.

И вотъ среди ночи прибѣжалъ на полянку сѣрый волкъ, поклонился Христу и просить ѣсть:

третій день ходить голодомъ.

— Господи, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!

— Поди, волкъ, къ солдаткѣ, — сказалъ Христось, — изба ея съ краю при дорогѣ. Есть у нея корова-бѣлуха, ту корову ты и съѣшь.

— Господи милостивый, — вступился Никола, — за что же такъ? Вѣдь, послѣднее отнимаешь, а ребятишки - то какъ заплачутъ! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогналъ онъ насъ, и добра у него дѣвать некуда.

— Нѣтъ, нельзя такъ, — сказалъ Христось, — нѣтъ ей талана на семь свѣтъ: пусть бѣдуетъ до-времени.

А волкъ, какъ услышалъ повелѣніе, да со всѣхъ волчьихъ ногъ — за ѣдой.

И Никола поднялся.

Пошелъ пособрать хворосту, костерь разложить: что- то зябко ему.

Зашелъ старикъ за деревья, да по слѣдамъ волчьимъ бѣгомъ за волкомъ. Обогналъ волка — волкъ-то гдѣ еще: съ голодухи не очень-то прытко побѣгаешь. И послѣлъ.

Взялъ Никола бѣлуху солдаткину, вымазалъ всю грязью и опять поставилъ.

А самъ назадъ.

Тамъ набралъ хворосту. Да только не надо разводить огня —

и такъ тепло.

— Экая ночка-то теплая!

И задремалъ старикъ.

И вотъ будить Христось:

— Вставай, Никола, въ дорогу пора.

Не заставилъ ждать — легко поднялся Никола.

И на сердцѣ ему, какъ заря горитъ:

слава Богу, ни съ чѣмъ уйдетъ волкъ,
и мать не заплачетъ!

А волкъ-то и бѣжитъ, сѣрый, кланяется.

— Господи, нѣтъ у солдатки бѣлухи, а есть черная.

— Такъ бери черную, — сказалъ Христось.

**
*

Шель Христось съ Николою.

Шли они по утренней зарѣ —

пробуждались цвѣты полевые и цвѣтики
малые,

красовали Божій міръ.

А тамъ на селѣ, волкъ добрался до черной бѣлухи, зарѣзалъ и ѣлъ свою долю. И когда хватилась солдатка, отъ ея бѣлухи только рожки да ножки остались.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его воля! — приняла несчастная свою горькую долю.

Шли странники въ гору.

Шли молча.

Трудно было Николѣ послѣ краткой ночи —
вела дорога все въ гору.

И когда поднялось солнце и краснымъ огнемъ ударило въ полміра, увидѣлъ Никола:

катится имъ навстрѣчу бочка,
а въ бочкѣ — золото.

— Господи, куда это богатство?

— Мельнику, — сказалъ Христось, — ему это золото.

— Господи, удѣли хоть горстку той несчастной: безъ бѣлухи осталась, ребятъ больно жалко.

— Нѣтъ, нельзя, — сказалъ Христось, — мельнику таланъ даденъ на семь свѣтъ и пусть ему будетъ довольно до время. Такъ и быть должно.

Прокатилась бочка —

какъ жаръ горить на дорогѣ.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все подъ гору и такъ до самой мельницы.

Сгребъ мельникъ золото — золото къ золоту и не замѣтишь! — нѣтъ, ему мало бочки.

«Кабы десять бочекъ!» — думалъ мельникъ.

И старая забота давила плечи.



Шель Христось съ Николою горой.

Все въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ круче гора —
и хоть бы передохнуть часокъ!

А идутъ и идутъ.

На вечерней зарѣ поднялись они высоко — къ самой вершинѣ.

— Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по той тропинкѣ: тамъ колодець, напейся! — сказалъ Христось.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христось —
едва ноги идутъ.

И отыскаль Никола колодець. Заглянулъ, чтобы воды достать —

а тамъ змѣи кишать.

И отшатнулся.

И увидѣль:

тотъ самый мельникъ —

мельникъ стояль у колодца,

весь изорвался о камни и руки въ крови.

«Жажду!» — просиль несчастный.

И ничѣмъ ему не могъ помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.

— Нѣтъ, Господи, тамъ нечистый колодець.

Христось ничего не отвѣтилъ.

И опять пошли.

Еще выше, еще круче — на еще большую гору.



Шли они по горѣ высоко надъ землею.

Поднялись они до звѣздъ высоко —

и звѣзды такія близкія и грозныя
разрѣзали путь.

— Господи, Господи, я пить хочу! — взмолился
Никола.

— Ступай по этой тропинкѣ: тамъ тебѣ будетъ колодець, — сказалъ Христось.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христось —
падаетъ ужъ, изъ послѣднихъ.

И добрался, отыскаль колодець, зачерпнулъ —
а вода такая свѣжая да чистая.

И не узналъ Никола мѣста:

гдѣ камни?

и нѣтъ пропастей!

И до того хорошо кругомъ и свѣтъ такой свѣтлый —

такой садъ, какъ рай.

Сталь и стоялъ, любуясь.

И увидѣлъ:

мать стоитъ у колодца, та солдатка,

и такая, какъ самъ онъ, любуясь.

И до того хорошо кругомъ и такой свѣтъ свѣт-
лый —

такой садъ, какъ рай.

И вдругъ услышалъ голосъ:

— Никола, — звалъ Христось, — что же ты такъ
долго стоишь?

— Господи, какъ долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года, — сказалъ Христось.

И они пошли съ горы опять на нашу землю.

СУДІЯ

Жиль-быль Савелій-богатый —
богатый человѣкъ.

Жиль онъ съ женой ладно. И состарились оба.

И до того они были добры и жалостливы къ лю-
дямъ —

всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ кормили и поили
и въ долгъ давали и назадъ долгу не тре-
бовали.

А казна ихъ не убывала.

И жили они спокойно.

Савелій и говорить старухѣ:

— Ну, старуха, пригрѣшили мы у Господа Бога.
Кто бьется да старается, у того нѣтъ ничего, а мы сид-
немъ сидимъ и намъ все, ровно съ неба валится.

И просить старикъ старуху напечь пирожковъ да
насушить сухариковъ:

пойдетъ онъ Николу Угодника разыски-
вать — пускай Никола разсудить, спро-
ситъ у Спаса: что имъ за этотъ грѣхъ вый-
детъ?

Напекла старуха пирожковъ, насушила сухариковъ
— истолкла сухарики въ мучку, насыпала мѣшокъ.

Простился Савелій со старухой и пошелъ искать
Николу.

**
*

Мало ли, много ли шелъ Савелій.

Идетъ онъ, раздумываетъ о своей богатой долѣ и попадаетъ ему навстрѣчу разбойникъ.

— Что, старикъ, гдѣ это Савелій-богатый живетъ?

— А тебѣ что въ немъ? — спросилъ Савелій.

— А иду я, обокрасть хочу богача.

— Я самый и есть! — обрадовался Савелій, вынулъ ключи, — вотъ тебѣ ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взялъ разбойникъ ключи.

— Ты-то самъ куда пошелъ?

— Николу ищу. Пусть разсудить — спросить у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

Усмѣхнулся разбойникъ:

«Рехнулся, молъ, старикъ съ сытости!».

И разошлись.

Отошелъ немного разбойникъ, раздумался.

«Господи, вѣдь, и мнѣ тоже не только на семь свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ!».

И все припомнилъ:

сколько онъ душъ погубилъ, и какъ ему все было мало!

Догналъ разбойникъ Савелія.

— Возьмите ключи-то назадъ!

— Что же не пошелъ? — опечалился Савелій.

— Возьмите меня съ собой! — сказалъ разбойникъ.

И пошли они вдвоемъ искать Николу:

Савелій - богатый да разбойникъ.

Дошли до деревни. Ночь настагаетъ. Надо ночевать. Постучались въ избу.

Въ избѣ одна хозяйка.

— Пусти насъ, хозяйюшка, ночевать!

— Милости просимъ, ночуйте, только кормить нечѣмъ.

— Намъ ничего не надо. У насъ свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила въ чашку воды.

Взялъ Савелій мѣшокъ, насыпалъ сухариковъ въ чашку, помѣшалъ-помѣшалъ —

чашка полная стала, разбухли сухари.

Поѣлъ Савелій передалъ разбойнику.

Наѣлся разбойникъ.

А чашка не убываетъ!

Идетъ хозяинъ —

Какъ ступилъ на порогъ, затопалъ ногами и сталъ жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самимъ ѣсть нечего, а эти разсѣлись, кормишь!

— Не ругайся, хозяинъ, это у насъ все свое!

И предложилъ Савелій хозяину отвѣдать кушанье.

Присѣлъ хозяинъ къ столу, поѣлъ.

И хозяйка наѣлась.

— Мы такого и въ вѣкъ не ѣдали, — благодарятъ Ну, и разговорились:

откуда и куда странники идутъ?

Савелій и говоритъ:

— Вышелъ я Николу искать. Пусть разсудитъ — спроситъ у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ будетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

А разбойникъ говоритъ:

— А я вотъ на свѣтѣ сколько душъ погубилъ, иду

спросить: что мнѣ за это будетъ? Не на семь только свѣтъ жить мнѣ, а и на томъ свѣтѣ.

Переночевали ночь.

На утро поднялись въ дорогу.

— Возьмите и меня съ собой, — просить хозяинъ, — и мнѣ не на семь только свѣтъ жить, а и на томъ свѣтѣ. Я во всю мою жизнь никого не напоилъ, не накормилъ: все боялся, что самимъ не хватить.

И пошли втроемъ:

Савелій-богатый да разбойникъ
да хозяинъ.

**

Идутъ и идутъ —

отъ часу дорога лучше и шире и глаже.

Стоитъ домъ.

Подошли къ дому —

нигдѣ ему конца нѣтъ, такой большой.

Поднялись по лѣсенкѣ и попали въ коридоръ.

И стоитъ тамъ старичокъ сѣденькій, древній старичокъ.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я, — говорить, — я. Что вамъ нужно?

— Спроси у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдеть? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

— А я — разбойникъ. На этомъ свѣтѣ сколько душъ загубилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ?

— А я вотъ живу на свѣтѣ и никого не напоилъ, не накормилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ? Никола Угодникъ и говорить:

— Ночуйте, странники, тутъ вамъ будетъ покой.

И отворилъ дверь по правую руку —

и впустилъ туда Савелія.

И отворилъ другую дверь —
и впустилъ туда разбойника.
И отворилъ третью дверь —
и впустилъ туда хозяина.

**
*

Вошелъ Савелій въ комнату.
И до того эта комната убрана: большая, чистая,
кровать высокая, подушки пуховыя
Ходитъ Савелій по комнатѣ.
«Господи, это какъ царство небесное!».
Походилъ, походилъ, да и прилегъ на кровать.
А по стѣнѣ у кровати, какъ заборъ, а въ заборѣ
щелка.

Онъ въ эту щелку и смотритъ:
а тамъ комната еще лучше убрана.
Вошелъ разбойникъ въ свою комнату.
Пусто. Однѣ голыя стѣны. И двѣ доски вмѣсто кро-
вати.

Походилъ, походилъ, да на дощечки-то и легъ —
и какъ повалились на него съ потолка саб-
ли, тесаки, пистолеты, ружья, топоры, но-
жи.

Все на него валится и колетъ.
Всю ночь продрожалъ.
Вошелъ хозяинъ въ свою комнату.
У него, какъ у разбойника, голо.
Легъ онъ на доски. И напала на него жажда и такой
голодь —

попадись какое животное, сыръемъ съѣлъ
бы!

Вскочилъ онъ —
бѣгаетъ, да стѣны грызетъ зубами.

Тошно.

**
*

Наутро выпустилъ Никола Савелія.

— Каково тебѣ, Савельюшка, было спать?

— Охъ, Никола Милостивый! Какъ царство небесное.

— Это вѣчное мѣсто твое. А рядомъ — старухѣ твоей. Ступай съ Богомъ. Будеть тебѣ покой.

Выпустилъ Никола разбойника.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю ночь продрожалъ.

— Какъ отъ тебя невинныя души тряслись, и умаливали тебя и упрашивали, а ты ихъ билъ, кололъ, давилъ. Теперь твой чередъ. Это мѣсто твое.

Выпустилъ Никола хозяина.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю стѣну прогрызъ.

— Это за жадность твою: какъ тѣ, кому ты отказывалъ, самъ будешь мучиться голодомъ и жаждать. Это мѣсто твое.

И отпустилъ ихъ Никола.

**
*

Пошелъ разбойникъ свой грѣхъ замаливать.

Не забыть и хозяину голодной ночи! — пошелъ онъ къ своей хозяйкѣ: не поскупится, подѣлится съ несчастнымъ.

Вернулся Савелій домой.

И зажили по прежнему старики:

поятъ и кормятъ бѣдноту, займы даютъ и долгу назадъ не требуютъ.

По-прежнему идетъ народъ къ Савелію,

Но ужъ что отдасть, того нѣтъ и нѣтъ!

Все роздали:

и хлѣбъ роздали,
скота всего роздали,
всю казну роздали.

И ничего въ домѣ больше нѣтъ.

Осталась только краюшка на столѣ —

только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старикъ:

— Слава Тебѣ, Господи, у насъ ничего теперь нѣтъ.

Перекрестилась старуха:

— Слава Тебѣ, Господи! Давай, старикъ, закусимъ
краюшечкой, да и пойдѣмъ въ мѣръ.

Закусили краюшкой, попрощались съ домомъ.

И пошли — —

— — идутъ старики мимо своего окошка и
слышать въ домѣ плачь:

«Ой, кто же это тамъ?»

Заглянули въ окно —

А тамъ мертвыя два тѣла лежатъ. — *Это души ихъ,
значитъ, пошли!* — Оба тѣла лежатъ рядышкомъ:

Савелій да старуха его.

А надъ ними бѣдность, горемыки.

ЧУДОТВОРЕЦЪ

Жили-были три брата — купцы Ломтевы. Большую торговлю вели съ заморскими королями.

Три каменные дома Ломтевыхъ славились на весь городъ. А старшаго брата домъ всѣхъ богаче.

И былъ у него одинъ сынъ Василій.

Стали братья собираться на ярмарку. И говоритъ старшій братъ братьямъ:

— Возьмите моего сына не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузилъ ему отецъ шесть кораблей драгоцѣнными камнями, и благословилъ въ путь для науки.

Пріѣзжаютъ они въ королевскую землю.

Привалили на пристань, пошли себѣ мѣсто откупать, а Василій остался на пристани, знай, посматриваетъ.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, привезъ?

— Дядья привезли краснаго товару, а я драгоцѣннаго камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мнѣ еще шесть кораблей. Деньги получишь вразъ.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товаръ. Написалъ карла расписку. Тутъ вернулись на пристань

дядья и хвалятъ, что хорошо товаръ запродавъ, цѣну хорошую взяли.

Стала ярмарка закрываться, поѣхали они домой.

Отецъ встрѣчаетъ Василю.

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, что выйдетъ. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей: деньги получишь вразъ.

И отецъ его за то похвалилъ.

И когда подошла пора, нагрузилъ ему отецъ еще шесть кораблей драгоцѣннаго камню. И поѣхалъ Василій въ королевскую землю.

Привалили на пристань.

Дядья пошли мѣсто себѣ выторговывать, а Василій остался поджидать покупателя.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, исполнилъ договоренное?

— Исполнилъ.

Карла поглядѣлъ: шесть кораблей — товаръ тотъ же.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товары. Велитъ ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дядья на пристань. Разказалъ имъ Василій о продажѣ.

— Нате расписку, сходите въ такой-то домъ, получите. У меня толку не хватитъ расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетомъ.

Вышелъ къ нимъ старичище.

— Идите, молодцы, за мной. Чѣмъ вы желаете получить: мѣдными деньгами или серебромъ или золотомъ или, есть у меня еще про васъ, коли хотите?

Сидитъ дѣвица и такъ хороша — не столь зарились они на деньги, сколь смотрѣли на эту дѣвицу. Да такъ отъ грѣха и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь самъ.

Пошелъ Василій.

— Что, молодець, какими деньгами желаешь: мѣдью, золотомъ или серебромъ или, есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василій посмотрѣлъ на дѣвицу и долго не думалъ —

вотъ что ему надо за двѣнадцать кораблей!

— Имущества съ ней не много пойдетъ, только одна шкатулка, — сказалъ карла.

— Ничего, у насъ казны довольно съ отцомъ.

Попрощался Василій съ карлой. Взяла дѣвица шкатулку и пошла за нимъ.

И какъ вышла она на волю, помолилась —

она, какъ въ аду тутъ была, сызмлада выкраденная!

Увидѣли дядья, что ведетъ Василій дѣвицу на пристань, голову потеряли:

хороша-то хороша, да не похвалить отецъ —

навѣчно его разориль!

Окончилась ярмарка. Приѣхали они домой.

Встрѣчаетъ отецъ Василія:

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, тятенька, видно, съ накладомъ: я взялъ себѣ жену за двѣнадцать кораблей.

Отецъ и ну его таскать.

— Сгинь, — кричитъ, — съ моихъ глазъ, и не ходи ко мнѣ никогда въ домъ. Куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василій на улицѣ съ молодой женой.

Ночь переночевали на постояломъ дворѣ.

На утро жена вынула изъ шкатулки три златницы.

— Ступай, Василій, купи себѣ домъ.

Василій взялъ деньги и пошелъ по городу. И не долго искалъ купца, нашелся такой.

Повель купецъ Василя домъ смотрѣть:
домъ трехэтажный, каменный.

— Много ли возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказалъ купецъ.

— Ну бери двѣ: мой домъ!

Расчитался Василій съ купцомъ, да скорѣй за женой — будетъ имъ гдѣ жить!

А на послѣднюю златницу купилъ онъ вина, выкатилъ бочку къ воротамъ:

и кто бы ни прошелъ, ни проѣхалъ, всѣхъ зоветъ справлять новоселье.

Потомъ пошелъ къ дядѣ — посулился дядя. Пошелъ къ другому — и другой не отказалъ.

Пошелъ къ отцу, и палъ передъ нимъ на колѣни.

Да слышать ничего не хочетъ отецъ — да за волосья, да вонъ его и выбилъ на улицу.

**

Вернулся Василій въ свой новый домъ — полонъ домъ народа.

— Что не весель, хозяйинъ? — обступили гости.

А какое ему веселье? Разказалъ онъ про отца: какъ отецъ его встрѣтилъ.

Всѣмъ народомъ пошли къ старику за сына просить.

И уломали старика.

Пришелъ отецъ — первое мѣсто ему, первую чару.

Подарилъ отецъ молодымъ козла,

старшій дядя — лошадь,

младшій — корову.

И много имъ набросали серебра — много денегъ собралъ Василій съ женой.

Отецъ простилъ сына и ужъ домой не вернулся, а

велѣлъ запечатать свой домъ, самъ остался съ сыномъ да съ невѣсткой.

И зажили втроемъ дружно.

Говорятъ дядья Василю.

— Вотъ, племянничекъ, ѣдемъ мы на три ярмарки, поѣдемъ съ нами!

— Да не съ чѣмъ мнѣ ѣхать-то.

А жена и говоритъ:

— Поѣзжай, Василий: богаче ихъ вернешься.

Василій и согласился.

Тутъ жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылаетъ его на рынокъ купить ей разныхъ шелковъ. Пошелъ Василю на рынокъ, купилъ женѣ разныхъ шелковъ.

Въ трое сутокъ вышила она три ширинки, законвертила ихъ въ родѣ кирпичиковъ, подписала подписи.

— Въ первое королевство пріѣдешь, тамъ крестная моя — королева: подай этотъ конвертъ. А въ второе королевство пріѣдешь, вотъ этотъ конвертъ подай, тамъ мой крестный — король. А въ полуночное царство пріѣдешь, тамъ мой отецъ и моя мать!

Взялъ Василю конвертъ, простился съ женой.

— Прощай, царевна!

И безъ денегъ поѣхалъ съ дядиными кораблями.

Пріѣзжаютъ въ первое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами.

дядья свое — всякія матеріи подносятъ,
а Василю царевнинъ конвертъ.

Развернулъ король ширинку, а на ширинкѣ подпись къ крестной.

Обрадовался король съ королевой.

— Гдѣ ты нашелъ ее, нашу крестницу?

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

А король и королева на радостяхъ все бы отдали.
— Жертвую тебѣ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоцѣннаго камню, кончилась ярмарка, и поѣхали они въ другое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами:

дядя свое,
а Василій царевнинъ конвертъ — съ ширинкою.

А на ширинкѣ — подпись къ крестному.

— Гдѣ ты нашелъ мою крестницу? — удивился король.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

И крестный пожертвовалъ на радостяхъ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоцѣннаго камню. Кончилась ярмарка, и поѣхали они въ полунощное царство.

Приходятъ они къ царю съ гостинцами:

дядя свое — материи всякія,
Василій — царевнинъ конвертъ.

И какъ вывернули конвертъ, а тамъ ширинка.

А на ширинкѣ подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Гдѣ ты нашелъ мою милую дочь?

Разказалъ Василій о королевскомъ карлѣ:
какъ въ аду жила тамъ царевна.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

— Эка, дорого! Жертвую тебѣ на отдарокъ шесть кораблей.

Нагрузили Василию шесть кораблей драгоцѣннаго камню, и стало у него всѣхъ двѣнадцать, какъ было.

Раздумался царь:

да въ правду ли Василій нашель его дочь?

И говоритъ приближеннымъ:

— Какъ бы такъ провѣрить? Нельзя ли мою дочь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо было пораньше! — говорятъ царю приближенные.

А одинъ выискался Коть-и-Левъ:

море ему по-колѣно и на догадку гораздъ.

— Черезъ его именной перстень можно ее скоро достать.

А ужъ ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушался, да на пристань, зоветъ Василія: просить остаться еще на денекъ.

— Милой зять, попируй со мной сутки, я тебя отправлю потомъ.

Поплыли домой корабли, а Василій остался у царя пировать.

На пиру ему подлили сонныя капли:

какъ выпилъ и уснулъ крѣпко.

Съ соннаго сняли съ него именной перстень. Съ этимъ перстнемъ и поѣхалъ царскій посоль въ Ломтевъ-городъ за царской дочерью.

Много-ль спалъ Василій, проснулся, и скорѣе на свои корабли догонять дядьей.

А посоль приѣхалъ въ ихъ городъ, разыскалъ старика Ломтева и прямо къ царевнѣ.

Узнала цѣревна мужниѣ перстень, повѣрила и сейчасъ же отправилась въ полунощное царство къ отцу.

Нагналъ Василій корабли дядьей. И приѣхали вмѣстѣ.

На пристани встрѣчаетъ отецъ:

— Что сынокъ, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Вотъ тебѣ, тятенька, радость: получилъ я двѣнадцатъ кораблей драгоцѣннаго камню, бери ихъ себѣ! Обрадовался отецъ:

всѣ двѣнадцатъ кораблей вернулъ ему сынъ!

— А гдѣ же жена? — спрашиваетъ Василій.

— Да, вѣдь, ты же ее по своему перстню вызвалъ къ отцу!

Тутъ хватился Василій, а перстня-то нѣтъ.

Затужилъ онъ, не пошелъ и домой, пошелъ онъ на край моря, куда глаза глядятъ.

**
*

Идетъ Василій на край моря и день и другой и третій, — не три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василій, идешь и плачешь, о чемъ больно тужишь?

Посмотрѣлъ Василій на старика.

— Ой, Никола милостивый, какъ не тужить мнѣ: жену потерялъ. Мнѣ на нее хоть бы глазкомъ поглядѣть!

— Увидишь, — сказалъ Никола.

Подаль Никола ему топоръ, велѣлъ рубить дубъ. Срубилъ Василій дубъ.

Изладилъ Никола изъ листьевъ и вѣтокъ коверъ - самолетъ изъ верхушки сдѣлалъ самогудную скрипку. Далъ скрипку Василію въ руки.

Оба стали на коверъ-самолетъ.

— Играй на верхніе лады! — сказалъ Никола.

Заигралъ Василій на верхнихъ ладахъ — и они полетѣли.

Высоко летѣли надъ моремъ.

— Дѣдушка, не шире бараньей кожуры мнѣ кажется море! — удивлялся Василій.

— Ну, играй теперь на нижніе лады.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ —
сѣлъ коверъ-самолетъ у царскаго сада.

— Слушай, Василій, — сказалъ Никола, — жена твоя выходитъ замужъ за королевскаго сына. Послѣднія минуты. Выйдетъ она сейчасъ въ садъ, веди ее сюда. Только знай: тутъ есть бесѣдка, въ бесѣдкѣ скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увидишь.

Василій ходилъ-ходилъ по саду, а ее все нѣтъ.

Вошелъ въ бесѣдку, забылся и сѣлъ на скамейку. И уснулъ.

Вотъ вышла царевна на прогулку, заглянула въ бесѣдку — что за человѣкъ? — подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никакъ не могла разбудить.

Такъ и ушла.

Проснулся Василій, да скорѣй изъ бесѣдки.

— Дѣдушка, родимый, что я надѣлалъ!

— Долгое время она тебя будила, — сказалъ Никола, — еще разъ она выйдетъ на прогулку, карауль, не просп!

И опять Василій ходитъ по саду, а ее все нѣтъ, — зашелъ онъ въ бесѣдку, сѣлъ на скамейку.

И уснулъ.

И опять вышла царевна въ садъ и прямо въ бесѣдку. И долго будила.

И будить и плачетъ.

— Ты больше меня никогда не увидишь.

А онъ спитъ.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василій, хватился, да поздно.

— Ну, дѣдушка, я самъ пойду за ней.

Никола далъ ему коверъ-самолетъ и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказалъ Никола. Съ дарами Николы вошелъ Василій въ царскія палаты.

Тамъ пиръ, свадьбу играютъ — выдаютъ царевну за королевскаго сына.

Поздоровался Василій съ царемъ — не узналъ его царь! — просить Василій поиграть въ свою музыку. Царь дозволилъ.

Разостлалъ Василій коверъ-самолетъ, взялъ въ руки скрипку, сталъ на коверъ.

— Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играетъ.

Растворили окна и двери.

И заигралъ Василій въ самогудную скрипку — всплакались самогудныя струны.

Подбѣжала къ нему царевна — захотѣлось ей поцѣловать его — подбѣжала царевна, стала на коверъ-самолетъ.

— Держись за меня крѣпче! — шепнулъ ей Василій.

И заигралъ высоко на верхнихъ ладахъ.

Тогда поднялся на воздухъ коверъ и, все равно какъ метлячекъ полевой, вылетѣлъ на волю.

Забили тревогу:

кто изъ ружья,

кто изъ пушки —

мѣтятъ, цѣлятъ, палятъ —

Громъ гремитъ отъ пальбы, а достигнуть не могутъ: высоко!

Залетѣлъ Василій съ царевной высотой высоко — море подъ ними не шире бараньей кожуры. «Кабы намъ сюда дѣдушку!» — вспомнилъ Василій.

— Играй теперь на нижніе лады! — услышалъ Василій.

А Никола-то съ ними:

онъ и на пиру у царя съ нимъ невидимо былъ.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ — стали спускаться на землю.

— Ступайте теперь домой, — сказалъ Никола и далъ Василию тайно кремень и огниво: — чиркни трижды и будетъ помощь! Да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай.

Попрощался Василій съ Николой, повелъ царевну домой.

Обрадовался отецъ сыну, а пуще того, что съ женой вернулся.

А тамъ у царя все разладилось.

Королевскій сынъ, дѣлать нечего, уѣхалъ въ свое королевство.

Опять потерялъ царь любимую дочь.

И собралъ царь своихъ приближенныхъ, говорить имъ:

— Не Василій ли хитникъ? не онъ ли увезъ царевну?

Говорятъ царю приближенные:

— Должно, что онъ, Василій Ломтевъ, некому больше.

Тутъ выискался опять Коть-и-Левъ и надоумилъ царя:

самому царю ѣхать немедля въ Ломтевъ-городъ и испытать дѣло.

Послушалъ царь Котылева и на семи корабляхъ поплылъ за царевной.

Побѣждалъ народъ на пристань встрѣчать царя.

А Василій запрягъ карету, встрѣтилъ тестя, и привезъ его въ свой домъ.

Обрадовался царь, что нашель дочь. И пироваль царь у зятя.

А послѣ пира зоветъ его къ себѣ на житье.

Согласился Василій, попрощался съ отцомъ.

— Когда въ живности меня не будетъ, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообѣщаль отецъ исполнить волю, проводилъ сына.

И вернулся царь въ полунощное царство, а съ нимъ царевна и Василій.

И завель царь пиръ на весь мѣръ.



Узналъ королевичъ, что невѣста его за Ломтевымъ, обидно стало:

собралъ онъ большую силу и пошелъ войной на полунощное царство съ царемъ воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядовъ нѣту:

какія были пули, всѣ тогда разстрѣляли по ковру-самолету.

Выѣхаль царь съ Василюемъ въ луга —

застлала королевская сила луга.

Говорить царь Василю:

— Что, милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы!

— Сѣките силу безостаточно! — приказаль Василій.

И не больше часу дѣло продлилось —

ничего не осталось отъ королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты званія! — похвалилъ царь Василия.

Вернулись они во дворець.

Истопила царевна баню.

— Милая ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытаться у Василия.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — отвѣчалъ ей Василій.

Ночь прошла.

На утро смотритъ царь въ окно: черно, всѣ луга застланы —

еще большую силу за ночь пригналъ королевичъ.

И опять выѣхалъ царь съ Василиемъ въ луга.

— Что, милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ на какія работы!

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И рѣшили силу за два часа.

Вернулся царь во дворець съ Василиемъ.

Истопила царевна баню.

— Милая ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытаться у Василия.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

А царевна ну ластиться:

— Скажи, да скажи про ухорѣзовъ: откуда такіе, ухорѣзы?

Василій ей все и сказалъ.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и дѣйствую, — открылъ тайну Василій.

Послѣ ласковой бани сладко спится —
крѣпко заснулъ Василій.

Осталась царевна одна и раздумалась:
жалко ей королевича, погубить Василій
всю его силу, и его самого погубить!

Да долго не думая, и вытащила изъ кармана у Василія кремень и огниво. И приказала взять въ лавкѣ такой же кремень и огниво: тѣ спрятала, а эти положила на мѣсто.

А Василій спитъ, ничего-то не знаетъ.

На утро смотритъ царь въ окно:

есть въ лугахъ королевская сила, да не такая ужъ, больше старые да малые.

И въ третій разъ поѣхалъ царь въ луга съ Василіемъ.

И говоритъ Василій царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного, да сердце у меня сегодня слышитъ: едва ли мнѣ сегодня живу быть.

И вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

а нѣтъ никого.

Нѣтъ никого, нѣтъ ухорѣзовъ.

— Ну, батюшка, поѣзжай домой, а мнѣ конецъ! — сказалъ Василій.

Тогда подбѣжала королевская сила — старые и малые — и изсѣкли его на мелкіе куски:

собрали куски, зарыли и столбъ поставили.

А королевичъ вошелъ во дворецъ, взялъ царевну и увезъ ее въ свое королевство.

Заревѣла скотина Васильева:

козелъ,

конь,

корова.

И не можетъ отецъ ее никакимъ кормомъ уважить: все реветъ.

И догадался старикъ:

«Неужели сына нѣтъ въ живности!»

И выпустилъ ихъ на волю.

И пустились они, кто какъ могъ, и прямо на побоище — къ кровавому столбу.

Говоритъ буренушка:

— Козель Козловичъ, вырывайте! И ты, лошадушка, вырывайте! А я помчусь за живой водой.

Трое сутокъ трудились козелъ и конь —

отрыли всѣ куски и кусочки,

и собрали все вмѣстѣ:

какъ есть человѣкъ.

Примчалась буренушка, фырснула изъ лѣвой ноздри —

и куски срослись.

Фыркнула изъ правой ноздри —

и Василій сталъ.

Помянулъ онъ отца, что не забылъ обѣщаніе, и скотинѣ спасибо.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай къ моему родителю, а мнѣ итти некуда!

И побѣжали на радостяхъ домой:

козелъ,

конь,

корова.

А онъ на край моря пошелъ, куда глаза глядятъ.



Идетъ Василій край моря и день и другой и третій — не три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василій, побѣдствовалъ?

— Ой, Никола милостивый, мнѣ теперь ее во вѣкъ не видать!

— Увидишь, — сказалъ Никола и далъ ему ягоду: — на чего тебѣ подумается, тѣмъ ты и сдѣлаешься. —

Василій сѣлъ ягоду, подумалъ на воробья — воробьемъ и сдѣлался.

Воробьемъ и полетѣлъ — и прямо полетѣлъ въ заморское королевство къ королевичу.

Тамъ ударился о землю —

и сдѣлался опять молодцомъ.

Идетъ Василій по городу мимо королевскаго дворца —

мимо окошка царевны.

Царевна въ окнѣ сидитъ.

Признала Василія —

схоронилась въ окнѣ.

И пошелъ Василій изъ дворца на край города.

Тамъ жила старуха, на краю города, нищая. Къ ней и зашелъ Василій.

— Откудова? Какой молодецъ ты! — поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальній, — осмотрѣлся Василій, — а бѣдно ты живешь!

— По міру хожу.

— Я тебя сдѣлаю богатой. Сослужи мнѣ службу. Пойдемъ вмѣстѣ на улицу, тамъ я обернусь жеребцомъ, а ты меня веди на базаръ продавать и возьми за меня сто рублей. Самъ королевичъ меня купитъ. Только уздеч-

ку не продавай, себѣ оставь. Купить меня королевичъ — заколетъ меня. И когда меня будутъ колоть, возьми ведро, стань съ ведромъ подъ гортанью — хлынетъ кровь прямо въ ведро, и посѣй эту кровь передъ дворцомъ — вырастетъ садъ. А когда станутъ рубить этотъ садъ, возьми съ земли первую щепку и кинь ее въ море.

Вышелъ Василій со старухой на улицу —
и сталъ жеребцомъ.

И повела старуха жеребца на базаръ.

Ѣдетъ королевичъ.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и, богатая, пошла домой.

А царевна все знаетъ:

догадалась, что за жеребецъ.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говоритъ королевичу.

И какъ ни жаль королевичу, велѣлъ заколотъ жеребца.

Вывели жеребца на площадь передъ дворцомъ — свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила и пошла съ ведромъ на площадь.

Поставила ведро коню подъ горло.

— Что вы дѣлаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухѣ коня.

— Хозяева приказали, такъ что намъ! — отвѣчали работники.

Да какъ рѣзануть его по горлу, кровь такъ и хлынула —

и прямо въ ведро.

Старуха набрала полно ведро — и разсѣяла кровь передъ дворцомъ.

Поутру смотритъ королевичъ —
а около дворца садъ.

А царевна все знаетъ:
догадалась, какой это садъ.

— Садъ если ты не вырubiшь, меня не увидишь! —
сказала она королевичу.

— Коня мнѣ жалко, а сада еще жальче: садъ больно хорошъ! — говоритъ королевичъ.

А она стоитъ на своемъ:

— Если не вырubiшь, меня не увидишь!

И покорился ей королевичъ — велѣлъ вырubiть садъ.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тутъ съ топорами пришли, — говоритъ работникамъ, — такой чудесный садъ?

— Хозяева приказали, такъ что намъ!

И какъ стали рубить —
изъ перваго дерева вылетѣла щепка на-
одадь — —

Старуха подняла щепку —
и кинула ее въ море.

И сталь изъ щепы селезень — всякое перышко въ серебрѣ.

Плавалъ селезень по морю.

Выходитъ народъ къ берегу, смотрѣтъ на диковинку.

А царевна все знаетъ:
догадалась, что за селезень.

— Застрѣли, — кричитъ королевичу, — застрѣли селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вотъ и вышелъ королевичъ въ море и увидѣлъ селезня.

А селезень къ краю плыветь, побрякиваетъ.

И захотѣлось королевичу такъ поймать, живьемъ:
снялъ онъ съ себя все, вошелъ въ воду и
ну селезня руками ловить.

А селезень ныряетъ отъ него — и къ нему:
манить въ глубь.

Королевичъ и сталъ тонуть.

Селезень вспорхнулъ на берегъ —
и сдѣлался молодцомъ.

Вынулъ Василій изъ королевскаго платья кре-
мень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ —
и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сожгите весь городъ, только оставьте дворецъ
да избышку старухину! — приказалъ Василій.

И подожгли ухорѣзы —
у! загорѣлось!

Съ берега смотрѣлъ Василій на огненное царство.
И показался ему старичокъ:
шелъ старикъ къ огню — велъ царевну че-
резъ огонь.

— Ой, Никола милостивый! — взмолился Василій.

А старичокъ подвелъ къ нему царевну.

И огонь погасъ.

И благословилъ ихъ Никола милостивый чудотво-
рецъ на новую жизнь —
жить вѣрно въ любви.

Василій съ царевной вернулся въ полунощное цар-
ство и стали они жить и быть.

И по смерти царя, наступилъ Василій Ломтевъ въ
полунощномъ царствѣ царемъ.

ВѢРНЫЙ

Жили были два брата:

одинъ братъ богатый,
другой — голый.

У бѣднаго нечего ѣсть, а ребятъ много. Приходитъ бѣдный къ богатому.

— Дай мнѣ на пудикъ: дѣти голодомъ сидятъ.
Тотъ ему не далъ.

Дома хозяйка ждетъ, ребятишки.

— Ну, что?

— Нѣтъ, не далъ. Ложитесь, дѣтушки, голодомъ.

Плохо бѣдному, и не съ голода, съ тоски нездоровъ сдѣлался, полежалъ немного времени и померъ.

Приходитъ жена его къ богатому.

— Померъ братецъ твой. Дай мнѣ на похороны рублика полтора! — со слезами просить.

А хозяйка богатаго брата слышала.

— Дай, дай, — говорить, — ты бѣденъ не будешь, похорони брата.

Тотъ не даетъ.

И опять просить:

— Дай, пожалуйста, вотъ Никола Угодникъ свидѣтель! — на икону показываетъ.

Тотъ далъ на похороны.



Везти покойника на кладбище было мимо города.

Бдетъ богатый братъ, лошаденку подхлестываетъ —

разъ хлестнетъ, да Николѣ Угоднику пеняетъ:

— Ты вотъ ручаешься за этихъ людей, а чего я съ нихъ возьму?

Сидѣль въ лавкѣ молодой купеческій сынъ, слышитъ, и жалко ему, выскочилъ изъ лавки.

— Постой, — говоритъ, — дай проститься съ покойникомъ.

Простился и сталъ спрашивать у богатаго:

чего онъ такой,
что думаетъ?

— Да вотъ я далъ на похороны, и деньги мои, видно, пропащія, а поручился Никола Угодникъ за нихъ.

Купеческій сынъ вынулъ деньги, разсчиталъ его.

— Не считай за братомъ долгу!

И проситъ отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взялъ купеческій сынъ икону и поставилъ къ себѣ въ лавку — Николу Угодника.

А какъ сталъ вечеръ, заперъ лавку и домой.



Дома встрѣчаетъ мать.

— Что, какво сегодня поторговалъ, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговалъ. Я икону купилъ, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купилъ?

— Купилъ я Николу Угодника.

— А гдѣ ты купилъ?

— А везли покойника, выбѣжалъ я проститься и купилъ.

— Дорого ль?

— За похороны отдашь.

— Ну, дитятко, это доброе дѣло. Слава Тебѣ, Господи, хорошо поторговаль.

Легли спать.

И видится матери сонъ:

«Возьмите вы, — говоритъ, — приказчика, у тебя сынъ не въ полныхъ лѣтахъ, онъ его наставитъ въ торговлѣ. Вы выйдете на улицу: кто попадетъ первый человѣкъ навстрѣчу, тотъ и будетъ приказчикомъ. Вы будете счастливы!»

Утромъ мать рассказала сыну.

Помолился онъ Богу и вышелъ на улицу. И никто не попался ему навстрѣчу.

Ужъ отъ дома отошелъ порядочно, и вдругъ идетъ

— Здорово, дѣдушка!

— Здорово, милый вьюнышъ.

— Дѣдушка, не можешь ли мнѣ послужить!

— Гдѣ сынокъ?

— Да вотъ по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

Старичокъ послушалъ, вернулись они въ домъ, заходятъ въ избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашелъ себѣ товарища! Дѣдушка, я тебѣ помолюсь, какъ Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взятыся возьмусь, только меня слушай: что я ве-лю, то и дѣлай.

Мать на все согласна.

И остался старичокъ съ ними жить въ домѣ.



Поутру, чуть свѣтъ, будить старикъ Ивана.

— Вставай, сынокъ, пора итти въ лавку торговать. Торговые люди долго не спятъ. Ишь разоспался!

Поднялся Иванъ и пошли.

Осмотрѣлъ старикъ лавку.

— У васъ благодать какая, можно торговать. Подпишите подъ меня все теперь — я полный хозяинъ.

Иванъ подписалъ.

И день торговали хорошо.

Вернулись вечеромъ домой. Собрала мать ужинъ.

Сидятъ втроемъ, ужинаютъ.

Приходитъ большой ея братъ.

— Зачѣмъ пришелъ, братецъ?

— Да вотъ въ Заморье король требуетъ.

— Зачѣмъ же онъ васъ требуетъ?

— А потому, что онъ намъ долженъ. Мы вмѣстѣ жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросилъ старикъ.

— А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился съ сестрой, простился съ племянникомъ и со старикомъ, приказчикомъ ихъ.

Остались одни, Иванъ и говорить:

— А мы когда, дѣдушка?

— Пospѣемъ.

И легли спать.



Чуть свѣтъ, будить старикъ Ивана:

— Вставай, сынокъ, намъ надо итти на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иванъ, пошли они на корабельную пристань.

Долго ходили и выбирали корабль:

сколько лѣтъ стоялъ этотъ корабль, не ломился.

— Намъ такой въ самый разъ: мнѣ, старику, и сынку молодому.

И сейчасъ на корабль заходятъ.

— Дѣдушка, какъ мы поѣдемъ, нельзя пробраться!

— Прoberемся.

Заволновалась корабельная пристань — и сдѣлался имъ ходъ.

Удивились корабельщики.

— Чтой-то у насъ, живучи, никогда не бывало!

Привалили они къ бережку, оприкололи корабль.

— Молись, сынокъ, Богу, счастливы будемъ.

— Нашъ дядюшка теперь далеко идетъ!

— Молись Богу и мы выйдемъ.

Къ ночи вернулись они домой.

Встрѣчаетъ ихъ мать.

— Что, купили корабликъ?

— Купили.

— Слава Богу, — взмолилась она къ Богу, — наши!

— Когда же, дѣдушка, будемъ отправляться?

— А будемъ отправляться завтра.

Дождались они дня — и на пристань, сѣли на корабль, простились съ матерью.

— Господа корабельщики, дайте ходъ!

— Ступай съ Богомъ, дѣдушка, дорога готова.

И выѣхали они на море и пошли моремъ.



Шель корабль честно.

Їдутъ они сутки и другія и третьи.

— Погляди, сынокъ, въ подзорную трубку, что не видать ли?

Посмотрѣлъ Иванъ и увидѣлъ:
чернѣть.

Проѣхали еще. И опять посмотрѣлъ.

— Дѣдушка, дядюшка нашъ идетъ!

— Ну, теперъ поѣдемъ вмѣстѣ.

А и на кораблѣ у дяди увидѣли корабль.

— Їдетъ племянникъ и флагъ ихъ развѣвается! — узналъ дядя.

И догнали и поѣхали вмѣстѣ.

Вотъ имъ изладилось ѣхать мимо города недалеко.

— Дѣдушка, намъ надо заѣхать въ городъ, купить королю подарки, — говоритъ дядя.

— Ладно.

— Мы безъ этого никогда не являемся, всегда подарки покупаемъ.

Остановились у города.

Накупилъ дядя подарковъ, упаси Боже сколько.

— Дѣдушка, а мы что повеземъ?

— Чего повеземъ? Что повеземъ, то и ладно.

— А какъ же мы поѣдемъ, купить надо что.

— Ну, да ладно и такъ доѣдемъ.

И велѣлъ дядѣ впереди плыть.

Отѣхалъ дядя — они за нимъ слѣдомъ.

Подѣхали къ горѣ, взялъ старичокъ желѣзную тростку.

— На, сынокъ, рой въ горѣ.

Иванъ ткнулъ —

и повалились каменя въ корабль.

— Теперь, сынокъ, будетъ съ насъ.

И опять поѣхали. И скоро достигли королевскаго города.

Поглядѣлъ Иванъ въ подзорную трубку.

— Вотъ и дядюшкинъ корабль, а намъ нѣту мѣста, негдѣ стать.

— Ну, да станемъ.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку-потихоньку! — закричали корабельщики.



Такъ и вошли и стали рядомъ съ кораблемъ дяди. Пора было заявить, что такіе-то купцы явились; пора было итти къ королю съ подарками.

Дядя забралъ свои подарки и пошелъ.

— Дѣдушка, а мы-то съ чѣмъ пойдѣмъ?

— А поди, сынокъ, купи двѣ хлѣбныя чашки, что хлѣбы валяютъ.

Иванъ пошелъ на базаръ, купилъ двѣ чашки.

— Ладны ли, дѣдушка?

— Ладны, ладны! умѣлъ выбрать.

И набралъ камушковъ чашку, другой закрылъ.

— На, сынокъ, понеси королю подарки.

— Что ты, дѣдушка, какіе это королю подарки?

И стыдно ему съ этими чашками и камнемъ, да и послушаться не смѣеть, — и пошелъ.

Приходитъ къ королевскому дворцу.

— Чего ты несешь?

— Подарки королю.

— А что ты, какіе это подарки королю! Онъ тебя выгонитъ.

— Не ваше дѣло.

И пропустили его. Доложили королю.

Король выходитъ, на него смотритъ.

—Извольте отъ меня принять подарки!

И подаетъ королю чашку.

И какъ раскрылъ король чашку, такъ въ горницѣхъ и осіяло.

Очень обрадовался король, и королева.

И въ назначенное число разсчиталъ король Ивана и его дядю и отпустили на корабль съ миромъ.



А была у короля дочь —

сколько годовъ въ разслабленіи лежала!

И была перенесена она въ церковь, какъ неживая.

И объявляетъ король:

— Кто будетъ ночью мою дочь караулить, я того человѣка награжу. А выздоровѣетъ, отдамъ въ замужество за того человѣка.

Услышалъ Иванъ и говоритъ:

— Дѣдушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну куда лѣзешь!

— Нѣтъ, дѣдушка, пойду.

— Ну, ладно, Богъ помилуетъ! На уголекъ, очертись, очерти и ее, да купи куль груши и возьми съ собою въ церковь.

И еще далъ старикъ книгу:

читать Святырь до послѣдняго псалма,
и, что бы ни было, не давать отвѣту.

Купилъ Иванъ куль груши и къ ночи отправился въ церковь.

Разсыпалъ по церкви грушу, очертился, очертилъ королевну и сталъ читать Святырь.



Въ самую полночь вдругъ выходитъ —
«Отъ нашего короля обѣдъ сегодня намъ!»

И слышитъ Иванъ:

начали собирать грушу, хряпаютъ —
и скоро всю подобрали.

И увидѣлъ Иванъ:

огоньки, ровно свѣчи, по всей церкви.

И сдѣлался шумъ, верескъ —

Кричатъ:

«Ой, ѣсть нечего, давайте съѣдимъ ихъ!»

И увидѣлъ Иванъ въ огонькахъ козлыя рожи —
а самъ все читаетъ.

Буквы, какъ огоньки мелькали —
а онъ все читаетъ.

И дошелъ до послѣдняго слова.

— Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!

И закрылъ книгу.

Тутъ пѣтушки спѣли —
и ихъ не стало.

— Ну, теперь, королевна, вставай!

Поднялъ ее за руки, поставилъ.

И стали оба Богу молиться.



Ключи забрякали — двери отпираютъ:
сторожа пришли.

Сторожа пришли и видятъ:

живы! стоятъ, оба Богу молятся.

— Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногахъ
стоитъ!



Бѣгутъ сторожа къ королю:

— Дочь здорова! на ногахъ стоитъ!

Обрадовался король, и королева.

Велѣлъ король запрягать коней самыхъ лучшихъ:
везти дочь во дворець да Ивана.

И привезли ихъ.

Вошли они въ горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говоритъ король, — ты ее освободилъ, я позволю на ней жениться. И ты ужъ не Иванъ, купеческій сынъ, а королевичъ!

И повѣнчался Иванъ-королевичъ на королевнѣ.

И сталъ пировать. Тутъ только и вспомнилъ:

— Ой, у меня на кораблѣ есть дѣдушка — довѣренный приказчикъ, и дядя!

Ну, сейчасъ же поѣхали за ними, подхватили подъручки, да въ карету и привезли во дворець —
за гостей почитать будутъ.

— Эхъ, Иванъ-королевичъ, позабылъ ты дѣдушку!
Повѣнчался на королевнѣ! — пенялъ старикъ Ивану.
Да дѣлать нечего, не воротишь.

**
*

Трое сутокъ пировали.

— Иванъ-королевичъ, хорошо гостить, да время отправляться.

— Когда будемъ, дѣдушка, отправляться?

— Да на завтрашній день.

И на завтра велѣлъ король сказать на корабельной пристани, чтобы простору имъ было.

Удивляются корабельщики.

— Былъ Иванъ купеческій сынъ, а сталъ Иванъ-королевичъ!

Вышли они на бѣлые дворы, сѣли въ кареты.

Музыка впереди и войско. Пріѣхали на пристань, вошли на корабль. Простились съ тестемъ.

пепель расплылся по водѣ.

И здрава выскочила королевна изъ воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дѣдушка, я жива и здорова.

— Молитесь Богу, ты—королевичъ, ты—королевна.

И благословилъ ихъ старикъ.

Сѣли на корабль и дальше въ путь.



Корабль бѣжить и сердце радуется.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку, не увидишь-ли что?

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Мнѣ, дѣдушка, показывается что-то — чернѣть что-то.

Вотъ ближе и ближе.

— Ой, дѣдушка, нашъ городъ!

— Ну, слава Богу, домой попали.

Вышелъ воинскій начальникъ встрѣчать ихъ съ войскомъ, съ музыкой.

Сошли съ корабля.

Королевичъ и королевна, старичокъ, а за ними войско.

— Иванъ-королевичъ, спросите, что мать жива ли? Домъ цѣль ли?

И сейчасъ распознали:

старуха жива,

а тамъ все крапива и дома нѣтъ!

И выстроили новый домъ-дворецъ — жить да поживать.

Простился старичокъ, благословилъ и пошелъ —
Никола Угодникъ вѣрный.

А они и теперь живутъ.

СВѢЧА ВОРОВСКАЯ

Жиль-быль одинъ человекъ, а время было трудное, вотъ онъ и задумалъ себѣ промыслить добра да недобрымъ дѣломъ.

Что у кого плохо лежитъ, — не обойдетъ, припрячетъ, а то закупить дряни какой, выйдетъ купцомъ на базаръ и такъ заговоритъ, такъ выкрутитъ, со всѣмъ тебя съ толку собьетъ и втридорога будетъ, — одно слово, воръ.

И всякій разъ, дѣло свое обдѣлавъ, Николѣ свѣчку несетъ.

Понаставилъ онъ въ церкви свѣчей, только его свѣчи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердію своему первый онъ человекъ и въ дѣлахъ его Никола ему помощникъ.

Да и самъ Ипатъ увѣрился, что никто, какъ Никола.



И однажды хапнулъ онъ у сосѣда, да скорѣй наутекъ для безопасности. А тамъ, какъ на грѣхъ, хватились, да по слѣдамъ за нимъ въ догонку.

Бѣжалъ Ипатъ, бѣжалъ, выбѣжалъ за село, бѣжитъ по дорогѣ — вотъ-вотъ настигнуть! — и попадаетъ ему навстрѣчу старичокъ, такъ, нищій старикъ, побиральщикъ.

— Куда бѣжишь, Ипатъ?

— Ой, дѣдушка, выручи! Не дай пропасть, схорони: настигнуть, живу не бывать.

— А ложись, — говоритъ старикъ, — вона въ ту канавку.

Ипать — въ канаву.

А тамъ — дохлая лошадь.

Онъ подъ лошадь, въ брюхо-то ей и закопался.

Бѣгутъ по дорогѣ люди и прямо по воровскому слѣду. А никому и не вдоmekъ, да и мудрено догадаться: канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Такъ и пробѣжали.

Ипать и вышелъ.

И старичокъ тутъ же на дорогѣ стоитъ.

— Что, Ипать, хорошо тебѣ было въ сырости-то лежать?

— Ой дѣдушка, хорошо, — чуть не захлебнулся!

— Ну, вотъ, видишь, захлебнулся! — сказалъ старикъ и сталъ такой строгій, — а мнѣ, какъ думаешь, отъ твоихъ свѣчей слаще? Да свѣчи твои, слышишь, мнѣ, какъ эта падаль!

И пошелъ такой строгій.

КАЛЕННЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Шелъ мужикъ лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь, обдую: и умника и простого и святого, кого хошь.

И только это сказалъ, а ему старичокъ навстрѣчу.

— Продай лошадку-то!

Посмотрѣлъ на него Кузьма: такъ, старикъ не изъ годящихся и разговаривать-то съ такимъ, — время тратить.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебѣ что-ли нѣтъ? Конь-то твой былъ конь, да сѣзженъ, десятки не стоить.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по тебѣ цѣна, не для тебя и конь!

И пошелъ.

И старикъ пошелъ, ничего не сказалъ, да остановился, что-то подумалъ. И ужъ догоняетъ.

— Уступи.

А тотъ молчить.

— Уступи хоть сколько! — просить старикъ, не отстаетъ.

И вотъ-вотъ двинетъ его Кузьма: надоѣло.

— Ну, ладно, коли ужъ такъ надо, бери сто! — сказалъ старикъ и высыпалъ ему на ладонь червонцы.

А самъ сѣлъ на лошадь и прощай.



У Кузьмы въ глазахъ помутилось: червонцы!

И хотѣлъ онъ ихъ въ карманъ спрятать, а никакъ и не можетъ съ ладони ссыпать:

пристали къ ладони, не отлипаютъ.

Бился-бился, — а ничѣмъ не отдерешь.

И жжетъ.

Отъ боли завертѣлся Кузьма — и ужъ едва до дому добрался.

И дома мѣста себѣ не находитъ: жгутъ червонцы.

Извелся весь. Ужъ кается, да ничего не помогаетъ — жгутъ червонцы, какъ каленые угли.

И вотъ совсѣмъ обезсилѣлъ и заснулъ.

И приснился ему сонъ:

« Иди, — говоритъ, — той дорогой, по которой шелъ продавать лошадь. Встрѣтишь того старика, покупай назадъ лошадь: сколько ни спроситъ старикъ, давай».



Очнулся Кузьма.

Чуть свѣтъ вышелъ на дорогу — на свѣтъ ему поднять глаза трудно.

И жжетъ.

А старикъ-то и ѣдетъ.

Поклонился онъ старику.

— Продай, дѣдушка, лошадь-то!

Смотритъ старикъ, не признаетъ.

— Лошадку-то продай, дѣдушка, мою! — едва слова выговариваетъ несчастный.

— Десять рублей, — сказалъ старикъ.

— Бери сто.

— Зачѣмъ сто? Десять.

И поѣхалъ.

Кузьма стоитъ на дорогѣ — въ пору волкомъ завывать.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай ужъ сто.

Обрадовался Кузьма — и въ ту же минуту отлипли червонцы, такъ и зазвенѣли, каленые, о холодный камень.

Нагнулся, собралъ въ горсть, глядь, а передъ нимъ старичокъ-то, какъ попъ въ ризахъ.

— Батюшка Никола угодникъ!

А старикъ стоитъ и такъ смотреть: броватый такой, а кротко.

— Прости, родненькій!

— Ну, иди съ Богомъ, да не обманывай! — сказалъ старикъ.

И какъ не было.

И червонцы пропали.

Только лошадь одна.

НИКОЛИНО СТРЕМЯ

Жиль-быль бѣдный мужичонка, Моргуномъ прозвали.

Бился, старался Моргунъ до кроваваго поту, а ни въ чемъ счастья нѣтъ.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, ѣдетъ Никола Угодникъ.

— Богъ помочь, мужичокъ!

— Милости просимъ! Куда ѣдешь, Угодникъ?

— Къ Спасу.

— Милостивый Никола, спреси у Спаса: есть ли мнѣ въ чемъ счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

— Не по-забуду.

А видѣлъ мужичонка:

стремена въ сѣдлѣ у Николы золотыя.

— Милостивый Никола, отвяжи стремяно, да оставь мнѣ! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремяно нѣтъ, ты обо мнѣ и вспомнишь.

Послушалъ Угодникъ, отвязалъ стремя, отдалъ мужичонкѣ — и объ одномъ стремени поѣхалъ къ Спасу.

И пріѣхалъ Угодникъ къ Спасу и пора ему назадъ возвращаться, — и забылъ онъ спросить про счастье-то. да по стремяну вспомнилъ:

— Спасъ Пречистый, Истинный! Мужичонка Моргунъ мнѣ сказалъ про счастье спросить, несчастный: есть ли ему счастье?

- Есть, есть счастье.
- Какое же ему счастье?
- А ему счастье: воровать и божиться.



Городить Моргунъ огородъ у дороги, ждетъ Ни-
колу.

Никола Угодникъ скажетъ про счастье!

Отощаль совсѣмъ мужичонка.

А Никола и ѣдетъ.

Подъѣхаль къ мужичонкѣ.

— Спросиль, милостивый Никола, о счастьеѣ?

— Спросиль, спросиль! Есть тебѣ счастье.

— Какое же мнѣ счастье?

— А счастье твое: воровать и божиться. Давай же
стремено-то!

А Моргунъ стоитъ, ровно оглохъ.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вотъ тѣ Христось, знать не
знаю: стремено?!

Такъ объ одномъ стремени и поѣхаль Никола —
поѣхаль по русской землѣ, по бездолюю нужду вывѣды-
вать, скорый помощникъ и милостивый.



Мужичонка вывѣсилъ на коль золотое стремя —
какъ солнце, засіяло стремя!
самъ принялся за городьбу.

А ѣхаль по дорогѣ изъ Питера баринъ на тройкѣ
— позваниваль колокольчикъ. Издалека увидѣль онъ
золотое стремя и прямо направиль на мужика.

Остановиль коней у кола.

— Ты, мужикъ, украль стремя!

— Ваше благородіе, вотъ тѣ Христось, стремено мое.

— Врешь, я тебя въ судъ преставлю.

А Моргунъ стоитъ на своемъ, клянется, божится:

— Я и въ судъ пойду, стремено мое.

Снялъ баринъ стремя съ кола, мужичонкѣ велѣлъ садиться къ кучеру, и поѣхали въ судъ.

Дорогой приглядѣлся баринъ къ мужику.

— Ой, — говоритъ, — и рвань же на тебѣ! Стыдно и на судъ съ такимъ ѣхать. На, вотъ, мое пальто, надѣнь.

И нарядилъ мужика: и шляпу и сапоги изъ чемодана ему вынулъ, все честь-честью, — и не узнать.

**
*

Бариномъ пріѣхалъ Моргунъ въ судъ.

И доказываетъ на него баринъ, —

что не иначе, какъ укралъ онъ золотое стремя.

— Вотъ тѣ Христось, мое стремено! — стоитъ на своемъ мужичонка.

И всѣ вѣрятъ.

Поглядѣлъ Моргунъ на барина:

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вотъ тѣ Христось, и пальто мое и тройка моя!

И всѣ вѣрятъ.

Повѣрили мужичонкѣ и присудили ему:

и золотое стремя

и барскую тройку.

Эво! обогатѣлъ мужикъ — нашелъ свое счастье!

И позабылъ про всякое горе.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРЪЛАЯ

Мало мы чего знаемъ, и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаемъ, на это насъ нѣтъ.

**
*

Пахаль Антонъ пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорѣла, а Антонъ все пашеть.

И попадается ему навстрѣчу старичокъ:

 смотреть куда-то, будто о чемъ задумаль.

— Скажи, — говоритъ, — Антонъ, къ чему это заря перегораеть?

— Да къ ненастью старинушка, — отвѣтилъ Антонъ. Старикъ его за руку да черезъ оглоблю.

Перевель черезъ оглоблю — оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды усѣяли небо, мѣсяцъ во-на гдѣ сталъ, когда кончилъ старикъ пахать — а это самъ Никола былъ.

И ужъ еле поплелся Антонъ съ поля домой.

На другой день пашеть Антонъ, и опять ему старичокъ навстрѣчу.

— Ну, Антонъ, къ чему заря перегораеть?

А день стоитъ свѣтлый, да теплый.

Тутъ Антонъ — вчерашнее-то ему ой какъ засѣло! — повинился, что не знаетъ.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи! — сказалъ старичокъ и пошелъ.

Пошелъ Угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу
лѣнивыхъ, —

гнѣвный — карать неправду,
милостивый — жалѣть
и собирать насъ, разбродныхъ. .

ГЛУХАЯ ТРОПОЧКА

Жили сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичокъ.

И говоритъ имъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ — не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорятъ, — намъ какая вещь: змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?



Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ дремучую чашу.

А тамъ превеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ онъ, старый хрѣнь, насказаль! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ея не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать:

ужь больно велика казна, на себѣ не дотащишь.

Одинъ и говоритъ:

— Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадью, на телѣгѣ ея и повеземъ. А я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ моей, хлѣбца кусочекъ попроси: ѣсть что-то хочется.

**
*

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

— Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!

— Чего далъ?

— Кучу казны превеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка поживѣ печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку.

Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

«Вотъ какъ пріѣдетъ пріятель, я его хлопну — всѣ деньги-то мои будутъ! А дома скажу: не видѣлъ его!»

Подъѣзжаетъ къ нему пріятель, тутъ онъ прицѣлилъ — да хлопъ его.

А самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку — проголодался очень! — лепешечки поѣлъ — — и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

ДАРЪ

Жиль одинъ бѣднякъ, Иваномъ звали.

Не велико у него было хозяйство — земли немного; и жизнь нелегкая — одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался. Да не возропталъ — принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поетъ, такой ужъ.

Разъ пашетъ Иванъ поле — пшеницу сѣетъ.

Разсѣялъ, пашетъ, за собой борону возить, самъ пѣсни поетъ — и уперся концомъ въ дорогу.

А по дорогѣ два путника:

сѣденькій одинъ съ посохомъ,
другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человекъ-то больно веселый, поетъ?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходятъ, нужды не знаетъ, вотъ и поетъ.

Поровнялись путники.

— Богъ помощь тебѣ, Иванушка! — сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно веселье?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходятъ ничего — а мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Никола — угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своею дорогой.

Шли, святые, по полямъ, по раздолью весеннему.

Говорить Илья Николѣ:

— Что этотъ сказалъ? Развѣ пшеницу ты родишь?
Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Какъ его осудить, — заступился Никола, — человекъ простой: гдѣ ему знать про такое!

— Ну, ладно жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣно
будетъ — и градомъ прибью!

**
*

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу:
посмотришь, душа не нарадуется.

«Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послалъ, Никола
угодникъ помиловалъ. Хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда».

**
*

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни
поеть.

И видитъ:

по весеннему полю идетъ старичокъ съ
денькѣй съ посохомъ.

— Добро пожаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу:

все вѣдь прахомъ пойдетъ!

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай.

— Какъ же такъ, — оторопѣлъ Иванъ, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же,
продай!

И пошелъ.



Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу:

сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И, не кончился день, какъ взмыло тучу большую: какъ ударить, съ громомъ прошла гроза — градомъ побито пшеницу —

какъ ножомъ, весь хлѣбъ срѣзало.

По разоренному полю идетъ Никола.

А навстрѣчу Илья.

— Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ: вотъ оно поле Иваново!

— Нѣтъ, не Иваново, — сказалъ Никола, — пшеницу онъ продалъ, это поле Гундяево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачетъ.

— Ну, такъ поправлю я ниву, — поправилъ Илья, — онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ нажнетъ съ десятины.

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану:

жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется.

А Иванъ Угоднику молится, что того старичка надуумилъ такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался:

просить на ночлегъ остаться.

Нѣтъ, Николѣ не время — путь ему дальній.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится. Въ убытокъ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старичка и чуть свѣтъ къ сосѣду —

откупать пшеницу.

А тотъ несчастный радъ-радехонекъ — бери хоть даромъ! — да за полцѣны и отдадь.

Отдадь и прогададь.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла.

И такой уродился хлѣбъ высокій да частый, а колось полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется — золотая нива, благодать!

И въ страду много Иванъ нажалъ сноповъ и выжалъ всю — двадцать сотъ нажалъ.

**
*

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью:
грозный, весело смотреть.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродилъ! Онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ, кто посѣялъ, тотъ и пожалъ. Вѣдь, пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ....

— Такъ и купилъ.

И рассказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдъ Гундяевъ въ несчастѣ за полцѣны Ивану громобойнос поле отдадь.

— Такъ я жъ ему умолоту не дамъ!

И пошелъ — гроза! — какъ гроза.

**
*

Не оставилъ Никола бѣднягу: въ ночи пришелъ подъ окно.

Куда сонъ, — не знаеть Иванъ, какъ отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — училъ старичокъ, — сяди на овинъ, да понемногу, по пяти сноповъ: въ углу по снопу поставь, нятымъ окошко заткни.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотилъ и все обмолотилъ: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ! — да такого умолоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбарамъ дознался Илья и не дай Богъ! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезетъ на мельницу, я ему примолу не дамъ.

И не даль.

Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молоть, смолоть — а осталось двѣ. Куда третья? —

а не знаетъ, что Илья взялъ!

Раздумываль бѣдняга — и придумать ничего не могъ.



Въ ночи старичокъ постучаль подь окномъ.

Обрадовался Иванъ и все ему рассказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога. Да съ молитвой посади! И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову — то Ильѣ грозному, а другой подь правую пазуху — то Николѣ милостивому.

Вотъ на Николу раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь къ обѣднѣ.

По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу —
не старъ, не младъ, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На головѣ — батюшкѣ Ильѣ великому, а подь правой пазухой — Николѣ угоднику! — сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирися и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски: двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало —
Николинъ даръ щедрый.

ДОЛЯ

Ѣхалъ казакъ къ царю съ вѣстями, везъ царю три слова:

первое слово — о помощи Божіей,
второе — измѣна,
третье — надежду.

Ѣдетъ онъ ночью лѣсомъ. Отъ дерева до дерева свѣтятъ ему звѣзды.

И видитъ:

подъ елью что-то бѣлѣетъ.

И конь почуялъ:

непростое!

Подъѣхалъ казакъ поближе, смотреть —

сидитъ старикъ подъ елью и вяжетъ лыко,
старый - престарый такой.

— Что это ты тутъ, дѣдушкз, дѣлаешь? -- остано-
вился казакъ.

— Али ослѣпъ? Лычко вяжу.

— А для чего тебѣ лыко вязать?

— А вяжу я лычко — вяжу долю людскую.

— Лычко худое вяжешь съ добрымъ...?

— А такіе люди на свѣтѣ: одни добрые, другіе ху-
дые. И надо соединить ихъ: чтобы худые были съ доб-
рыми, а добрые съ худыми.

— А зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, чтобы шла жизнь на землѣ: соедини ты

худыхъ съ худыми — и всякая жизнь прекратится, а соедини однихъ добрыхъ — и Бога забудутъ.

— Дѣдушка, кто ты такой?

— Да я, сынокъ, Никола.

Казакъ слѣзъ съ коня.

— Помолись за насъ, Милостивый Никола.

И старикъ поднялся.

— Ну, поѣзжай, казакъ, съ миромъ.

И казакъ поѣхалъ.

Ѣхалъ казакъ всю-то ночь — по звѣздамъ, везъ царю три слова, а четвертое слово — самое большое — милость Николы.

НОЧЛЕЖНИКЪ

Нищаго накормить, напоить, а ночевать не просись, ни по чѣмъ не пустить!

Такова была воля и норовъ — богатый мужикъ Егорычевъ.

Всѣхъ ко вдовѣ ночевать отправлялъ бѣднѣющей — къ Адриановнѣ.

**

А приходитъ къ вечеру гость незванный —
Никола угодникъ.

Стучитъ къ богачу. Пустили нищаго.

Поужиналъ старичокъ да на лежанку.

— Нѣтъ, братъ, погоди, — говоритъ хозяинъ, — у насъ этакъ не водится! Иди къ Адриановнѣ, тамъ тебѣ ночлеги.

А старикъ забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

И заснулъ.

И, какъ ни будили, ничего не подѣлають. Ну, хоть силкомъ стаскивай. Такъ и отступились.

По утру поднялся старикъ и пошелъ.

И весь день проходилъ, а къ вечеру опять стучится.

Пустили.

Поужиналъ и опять къ лежанкѣ.

— Нѣтъ ужъ! — забранилась старуха, — моду нашель! Сказано: иди къ Адриановнѣ, тамъ ночлеги.

А старикъ и ухомъ не ведеть, забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

Да только и слышали, — спать.

Обозлилась старуха: расквилилъ ее нищій.

— Ужъ погоди, явишься ужотко, полетишь за дверь!

Проспалъ старикъ ночь, вышелъ.

День по дворамъ околачивался, а ввечеру къ Егорычеву — гость незванный.

Отказать совѣстно. Уломалъ хозяинъ старуху. Пустили.

Только старуха не дура, стала у лежанки —
подступись-ка!

Пужиналъ старикъ, да на лежанку — на старуху и наперся.

— Иди къ Адриановнѣ, — заорала старуха, — говорю тебѣ: у нея ночлегъ.

А старикъ изловчился, да черезъ старуху и махнулъ на лежанку.

— Мнѣ и тутъ хорошо.

Заснулъ старикъ.

И ужъ глодала жъ старуха хозяина всю-то ночь.

— Нипочемъ не пущу. И не проси. Или сама сбѣгу.

Попомнишь тогда. Нашелъ пріятеля.

Поутру поднялся старикъ.

— Ну, — говоритъ, — Зиновей Григорьевичъ, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мнѣ въ гости.

А старуха усмѣхается.

— Мало, — говоритъ, — къ нищему ходятъ въ гости.

— Ну, что ты, Никифоровна, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ, я попотчую и хорошоохонько.

Попрошался старикъ и пошелъ.

**

День за днемъ успокоилъ старуху.

И позабыли бъ о нищемъ старикѣ:

мало ли ихъ всякихъ у Егорычева кормится!
И вдругъ прибѣгаетъ конь подъ окно —
на сѣдлѣ письмо.

Распечаталъ хозяинъ, диву дался.

— Отъ кого это тебѣ?

— А помнишь, старуха, ночлежникъ-то нищій-старичокъ: въ гости зоветъ!

— Что жъ, поѣзжай, погости! — усмѣхнулась старуха, — долго-то больно не загостись! — усмѣхается.

Конь ждетъ подъ окномъ.

Хозяинъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

**

И привезъ его конь къ дому — большой домъ, богатый.

Встрѣчаетъ нищій-старичокъ.

— А, — говоритъ, — Григорьевичъ, пожаловалъ!

И сталъ его угощать:

отъ роду такого кушанья не ѣдалъ Егорычевъ.

А послѣ угощенья на отдыхъ:

завелъ старикъ въ комнату, да на ключъ, — одного и оставилъ.

А въ комнатѣ ни стула, ни постели, пусто.

И такой холодина, всю ночь продрожалъ несчастный.

— Околѣю я тутъ безъ покаянія!

Показалась ему ночь за годъ.

**

На утро выпустилъ его старикъ.

И опять въ тепло, и опять за угощенье —

пей, ѣшь, чего душенька взниметь, всего довольно! и ничего - то не убываетъ.

Настала ночь, пора спать.

И завелъ его старикъ въ комнату, еще хуже той.

Темь и холодно, душить — мѣста не найти.

— Пропаду я совсѣмъ.

Едва утра дождался.

Показалась ему ночь за десять лѣтъ.

**
*

Стало свѣтать, явился старикъ:

слава Богу, освободилъ!

И опять попалъ несчастный въ тепло. И прямо за столъ.

И опять потчивалъ старикъ лучше еще.

А къ ночи спать.

Всталъ изъ за стола, идетъ за старикомъ.

«Господи, — думаетъ несчастный, — неужто и опять на муку ведутъ?»

А старикъ въ другое мѣсто ведетъ.

И оставилъ его одного въ комнатѣ.

И до чего хорошо въ этой комнатѣ:

тепло, манный духъ, и постелька-то мягкая,
все бы лежалъ.

И утро настало, пришелъ старикъ, а и уходить не охота.

— Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дѣдушка.

— А по тѣ-то ночи какъ?

— А больно худо.

— Первая ночка — тебѣ мѣсто. А другая-то ночка — твоей старухѣ. А эту ночку спалъ — Адриановнѣ. Отправляйся теперъ съ Богомъ домой!

Попрощался Егорычевъ со старикомъ, вышелъ изъ дому.

Конь у окна. Сѣлъ на коня и домой.

И до самыхъ воротъ донесъ его конь. А какъ слѣзъ, и конь пропалъ.

**
*

Вошелъ Егорычевъ въ домъ, —
а его и живымъ не окладывали!

Обрадовалась старуха:

не три дня, три года пропадалъ безъ вѣсти.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчикъ, да зови
Адріановну въ гости.

Поставила старуха самоваръ, побѣжала къ сосѣдкѣ.

Удивилась Адріановна:

никогда еще не бывало такого!

Принарядилась, пошла къ сосѣдямъ.

Сѣли чай пить.

— Что это случилось, потчуете меня?

— А вотъ что, Адріановна, давай домами мѣняться.

— Куда мнѣ: мой-то домишко худой.

— Да ужъ говорю, давай мѣняться: я — въ твой
домъ, а ты здѣсь живи.

И уговорилъ Адріановну.

Осталась она у Егорычевыхъ въ домѣ богато жить.

А Зиновей Григорьевичъ со старухой въ ея келей-
кѣ поселился.

Ворчитъ старуха:

— Чего ты надѣлалъ, ума ты рехнулся!

— Не понимаешь ты ничего, старуха. Мѣсто у нея
хорошее, а у насъ худое. Намъ не измотать нашего до-
бра своими руками, а она расточить. Она опять заслу-
жить себѣ мѣсто.

И все про старичка, про тѣ три вѣщія ночи — какія
ночи! рассказалъ старухѣ.

И остались покорно жить въ нищетѣ и бѣдности.

НИКОЛА - УГОДНИКЪ

Чудна нѣкая вещь:

явился Николѣ верхомъ на конѣ съ серпами въ рукахъ ангелъ Господень.
«Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!»

**
*

Въ страхѣ проснулся Никола, поклонился гробу Господню, гдѣ неустанно молился за родъ христіанскій, и, по морю ходящій, яко по суку, отошелъ на Русскую землю.

Не узналъ Никола свою Русскую землю.

Вырублена, выжжена, развоевана, стоитъ она пустая, пустехонька и лишь вѣтры вѣютъ по глухимъ степямъ —

и не найти на ней правды.

Уязвился сердцемъ святитель, поднялъ посохъ и, скорый на помощь, пошелъ по Руси.

Шелъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, съ Волги-рѣки, съ Днѣпра на Поморье —

заушалъ нечестивцевъ аріевъ — беззаконныхъ правителей, забывшихъ слово Божіе, караль лежебокъ-тунеядцевъ и расточителей, не радѣющихъ о своей родинѣ, освобождалъ невинно - заключенныхъ въ темницы, останавливалъ мечъ, занесенный

надъ головою напрасно осужденныхъ на казнь,
воскресилъ трехъ разрубленныхъ отроковъ,
одарилъ нищихъ-дѣтей погремушками,
обошелъ полевья межи,
вывелъ къ солнцу буйное жито,
поправилъ яровые всходы,
покрылъ травой обогрѣтую землю;
и гдѣ вымокло, тамъ подсушить,
и гдѣ высохло, тамъ дождемъ польетъ;
надоѣло копямъ стоять во дворѣ — выгнать въ поле, въ ночное — городи городьбу!

А осень настала, загналъ Угодникъ съ поля коней и пошелъ подъ дождемъ по труднымъ дорогамъ:
тамъ телѣга увязнетъ,
тамъ лошадь не вытащишь, —
на все надо помощь!

Безъ него, какъ безъ рукъ — не поднять мужику полевья работы.

Все, что сиро и слѣпо, одному ему видно.

Попроси — выручить, все скажетъ Спасу, самого Илью умилоstitивить:

не поляжетъ отъ града рожь на земь —
живи, не тужи!

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ ходилъ такъ Угодникъ по Русской землѣ съ вешняго Николы всю весну, лѣто и осень до самой Никольщины.



Отстоялъ Никола вечерню у Софіи въ Кіевѣ. Второй звонъ звонятъ — пришелъ къ Софіи въ Новгородъ.

Третій звонъ звонять — идетъ въ Питеръ къ Казанской.
А къ великому славословію въ Успенскій на Москву по-
спѣлъ.

И, поднявъ со всѣхъ вѣтровъ густой большой иней,
серебромъ покрылъ отъ края до края всю Русскую зем-
лю и благословилъ ее —

свою горькую,
свою голодную,
свою безшабашную,
свою пьяную,

чтобы сумѣла она мудро устроиться, не грѣшила бѣ ро-
тозѣйствомъ, самомнѣніемъ, глупостью, не выставляла
бѣ себя на посмѣище, не попрекали бѣ ее въ лѣности.

И, трижды благословивъ ее великимъ благословені-
емъ, пошелъ помаленьку вверхъ по облакамъ на небеса
къ райскимъ вратамъ справлять Никольщину.

**
*

Передъ вратами рая, подъ райскимъ деревомъ за
золотымъ столомъ сидѣли угодники Божьи.

Всѣ святые собрались на Никольщину:

Петръ-полукормъ,
Афанасій-ломаносъ,
Тимофей-полузимникъ,
Аксинья-полухлѣбница,
Власій — сшиби-рогъ-съ-зимы,
Василій-капельникъ,
Евдокія-плющиха и Герасимъ-грачевникъ,
Алексѣй-съ-горъ-вода,
Дарья-загрязни-проруби,
Федуль-губы-надуль,
Родіонъ-ледоломъ,
Руфа — земля-рухнетъ,
Антипъ-водополь,

Василій-выверни-оглобли и Егоръ-ското-
пасъ,
Степанъ-ранопашецъ,
Ярема-запрягальникъ,
Борисъ и Глѣбъ — бырышъ-хлѣбъ,
Ирина-разсадница,
Иовъ-горошникъ,
Мокий-мокрый и Лукерья-комарница,
Сидоръ-сивирянинъ и Алена-льносѣйка,
Леонтій-огуречникъ,
Федосья-колосяница,
Еремей распрягальникъ,
Петръ-поворотъ,
Акулина-гречушница — задери-хвосты,
Иванъ-купаль,
Аграфена-купальница,
Пудъ и Трифонъ — безсонники,
Пантелеймонъ-паликопъ,
Евдокія-малинуха,
Наталья-овсяница,
Анна-скирдница и Семень-лѣтопроводецъ,
Никита-рѣпорѣзъ,
Фекла-заревница,
Пятница-Параскева,
Кузьма-Демьянъ съ гвоздемъ,
Матрена — зимняя,
Федоръ-студитъ,
Спиридонъ-поворотъ,
три отрока,
сорокъ мучениковъ,
Иванъ-Поститель,
Илья Пророкъ,
Михайло Архангелъ
да милостивая жена Аллилуева, милосердая.

Одного только не было — самого Николы Угодника.

И не разъ посылалъ Илья отроковицу Милостыню —

и возвращалась отроковица одна.

Въ девятомъ часу явился Никола.

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ пришелъ Никола къ райскимъ вратамъ — райское платье его поиздергалось, заплатка-на-заплаткѣ, дырявое.

— Что, Никола, что запоздалъ такъ? — спросилъ Илья — или и для праздника переправляешь души человѣческія съ земли въ рай?

— Все съ своими мучился, — отвѣчалъ Никола, присаживаясь къ святымъ за веселый золотой столъ, — пропацій народъ: воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына! Да и всѣ хороши — другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ.

— Я громъ-молнію нашлю, попалю, выжгу землю! — воскликнулъ громовный Илья.

— Я росы имъ не дамъ! — поднялся Егорій.

— А я моръ пущу, чуму — изомрутъ, какъ псы! — крикнулъ Касьянъ; извѣстно, Касьянъ вгорячахъ Златоусту усы спалилъ!

— Велѣлъ мнѣ ангелъ Господень истребить весь русскій народъ... да простилъ я имъ, — отвѣчалъ нашъ Никола милостивый: — больно ужъ мучаются.

И, возставъ, поднялъ чашу во славу Бога Христа, создавшаго небо и землю, море и рѣки, и китовъ, и всѣхъ птицъ, и человѣка по образу своему и по подобію.

И вдругъ чаша выпала изъ рукъ —

Чаша упала на столъ — не разбилась:
а какъ была, осталась съ краями полна.

Притихнули угодники — всѣ святые — весь райскій пирь.

— — спить Угодникъ — закрыты глаза — —

Разъ окликнулъ Илья —
не слышитъ Никола.

И въ другой разъ окликнулъ —
не просыпается.

Кричитъ Илья въ третій разъ —
и поднялъ Никола голову.

Стали тутъ святые пытаться у Николы.

Сталъ Угодникъ святымъ рассказывать:

— Пустился по Черному морю съ хлѣбомъ корабль, плыли на томъ кораблѣ триста старцевъ соловецкихъ, везли старцы воскъ и медь, спѣшили на Никольщину въ Миры Ликійскія. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипѣло. Бурная, надъ вѣтромъ и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы. Скача на бѣломъ хрустально-ногомъ конѣ, рѣзала море, разрывала когтями корабль. Въ твердой вѣрѣ и крѣпко надѣясь, въ голосъ крикнули старцы :«Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!». Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святымъ Духомъ, я пошелъ къ нимъ на море и избавилъ ихъ изъ глуби морской. Велеша угомонилась. Спокойно плывутъ корабли. Вотъ почему задремалъ я — и выронилъ чашу.

— Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ! — воскликнули святые.

Пили святые питіе новое райское, ѣли высокій пирогъ съ кашей, съ горохомъ, съ капустой.

И пировалъ съ нами Никола — сильный Богомъ, всѣмъ святымъ помощникъ — рѣдкій ихъ гость, нищелюбецъ, странкопріимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженникъ, чудотворецъ — заступникъ за Русскую землю.

Помилуй насъ, Боже и святой Никола,
гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Урсь	7
На святой землѣ	13
Въ міръ	17
Посвященіе	19
Чудотворецъ	24
Кипарисъ	35
Къ стѣнкѣ	46
Продовольствіе	54
Налогъ	57
Кораблекрушеніе	66
Удареніе	68
Безпризорные	74
Мечъ вѣры	77
Милостивый	83
Судія	90
Чудотворецъ	97
Вѣрный	115
Свѣча воровская	127
Каленые червонцы	129
Николино стремя	132
Заря перегорѣлая	134
Глухая тропочка	136
Даръ	138
Доля	144
Ночлежникъ	146
Никола - угодникъ	151

Складъ изданія:
Книжный магазинъ Е. Сяльской.
2, Rue Pierre-le-Grand
PARIS (6^e)